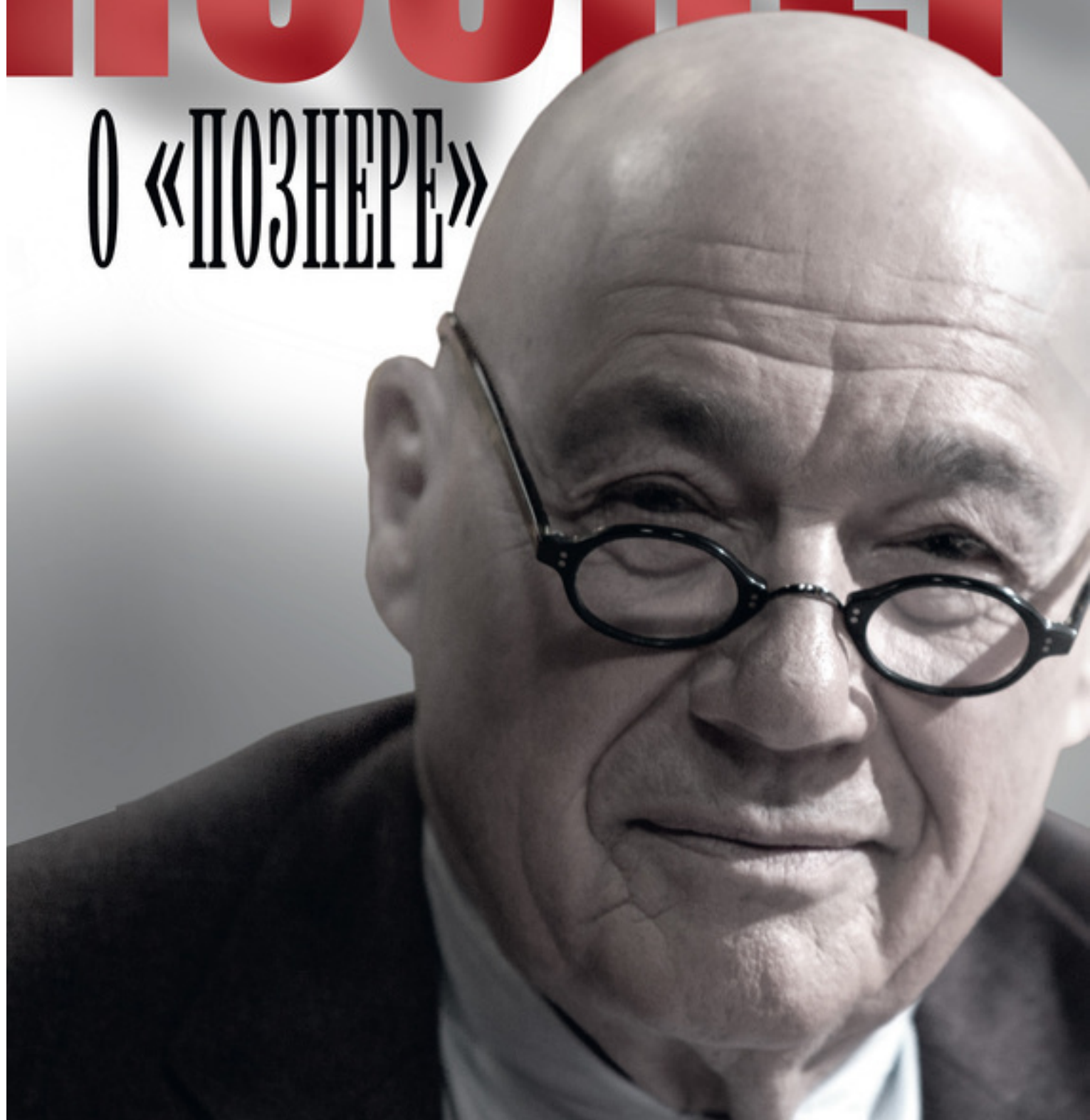

ПОЗНЕР

О «ПОЗНЕРЕ»

Владимир Познер
Познер о «Познере»

«АСТ»

2014

Познер В. В.

Познер о «Познере» / В. В. Познер — «АСТ», 2014

В своей новой книге Владимир Владимирович рассказывает о встречах и беседах с весьма разнообразными и очень интересными гостями телепрограммы «Познер». Юрий Лужков, Михаил Горбачев, Анатолий Чубайс, Никита Михалков и многие другие... О каждом из них Владимир Познер составил определенное мнение – порой весьма неожиданное! Кроме того, Владимир Владимирович сам ответил на вопросы так называемой «Анкеты Марселя Пруста»... (Книга публикуется без фото по требованию издательства.)

© Познер В. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Признание, от которого автор отказался бы, если бы не уверенность в том, что оно необходимо	6
Юрий Лужков	9
Михаил Горбачев	21
Анатолий Чубайс	33
Александр Сокуров	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Владимирович Познер

Познер о «Познере»

© Познер В. В., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Признание, от которого автор отказался бы, если бы не уверенность в том, что оно необходимо

Прежде всего, признаюсь, что идея написать эту книгу принадлежит не мне, а сотруднице издательства АСТ, которая запретила называть свою фамилию.

В связи с пятилетием программы «ПОЗНЕР» (мы отмечали его в ноябре 2013 года) было решено отобрать около сорока наиболее интересных программ, расшифровать их и снабдить моими краткими комментариями. Предложение это понравилось мне по нескольким причинам. Во-первых, я подумал, что читателю будет интересно (время покажет, не ошибся ли я); во-вторых, скажу с некоторым стыдом, дело это показалось мне очень простым: ну что за проблема – написать трехстраничный комментарий к собственному интервью? Ах, как же я заблуждался! Писать комментарии оказалось мучительно трудно, и мои обещания выполнить эту работу за полгода были самонадеянными и безответственными.

Это мое первое признание. Второе же касается так называемой «Анкеты Марселя Пруста».

В последней четверти девятнадцатого века в Англии появилось очень модное салонное развлечение – «признательные опросники». Человеку предлагали список вопросов совершенно личного свойства, на которые он должен был письменно давать абсолютно откровенные ответы. Марсель Пруст, известнейший французский писатель, дважды заполнял такой «признательный опросник»: первый раз в 1885 или 1886 году, лет в четырнадцать-пятнадцать, второй – пять лет спустя. Его ответы, очень неожиданные и глубокие, сохранились, получив название «Опросник Пруста»¹.

В дальнейшем «Опросником Пруста» стали называть любой набор подобных вопросов, хотя к самому Прусту они не имели уже никакого касательства.

Хочу ознакомить вас с ответами Пруста 1890 года и заодно с моими ответами на эти же вопросы.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ М. ПРУСТА	ОТВЕТЫ В. ПОЗНЕРА
1. Качество, которое вы ставите выше всего.	Желание быть любимым, точнее, желание быть обласканным и избалованным гораздо больше, чем желание быть объектом восхищения.	Ум.
2. Важнейшее качество мужчины.	Женские чары.	Чувство юмора.
3. Важнейшее качество женщины.	Мужские добродетели и откровенность в дружбе.	Утонченность.
4. Ваши главные качества.	Оставил без ответа.	Терпение.
5. Чем вы более всего дорожите в друзьях?	Быть нежными со мной в том случае, если их личность достаточно изумительна, чтобы их нежность была бесценной.	Верность.
6. Ваш главный недостаток.	Незнание как, неумение «желать».	Рефлексия.
7. Ваше любимое занятие.	Любить.	Теннис.

¹ Любопытно то, что Пруст чуть изменил вопросы «под себя».

8. Ваше представление о счастье.	Боюсь, что оно недостаточно возвышена, не смею сказать, боюсь того, что сказав, разрушу его.	Нахождения себя в любви, детях и работе.
9. Ваше представление о несчастье.	Если бы я не знал ни моей бабушки, ни матери.	Смерть ребенка.
10. Если не собой, кем бы вы хотели быть?	Собой, но таким, каким бы хотели видеть меня те, кто мной восхищается.	Леонардо да Винчи.
11. Где бы вы хотели жить?	Там, где некоторые вещи, которые я хочу, совершаются, как по волшебству, и где нежности всегда будут взаимными.	Там, где живут только те, кого я люблю, мои единомышленники.
12. Ваш любимый цвет и цветок.	Цвет: не в них красота, а в их гармонии. Цветок: его или ее — а потом все прочие.	Цвет: зеленые листья на фоне голубого неба. Цветок: тюльпан.
13. Ваша любимая птица.	Ласточка.	Ястреб.
14. Ваши любимые прозаики.	Сегодня: Анатоль Франс и Пьер Лоти.	Герман Мелвилл, Федор Достоевский, Дж. Д. Салинджер, М. Булгаков, У. Фолкнер.
15. Ваши любимые поэты.	Бодлер и Альфред де Виньи.	Пушкин, Джон Донн, Шекспир.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ М. ПРУСТА	ОТВЕТЫ В. ПОЗНЕРА
16. Ваши любимые литературные герои.	Гамлет.	Д'Артаньян, Гекльберри Финн, Сирано де Бержерак, Коровьев.
17. Ваши любимые литературные героини.	Беренис.	Алиса, Скарлет О'Хара.
18. Ваши любимые художники и композиторы.	Композиторы: Бетховен, Вагнер, Шуман. Художники: Леонардо да Винчи, Рембрандт.	Художники: Леонардо да Винчи, Ван Гог, Брейгель-старший, Веласкес, Модильяни, Дюрер, Рембрандт. Композиторы: Бах, Моцарт.
19. Ваши герои в реальной жизни.	Г-н Дарлю, г-н Бутру.	Мандела, Сахаров, Ганди.
20. Ваши героини в реальной жизни.	Оставлено без ответа.	Людмила Алексеева.
21. Кого вы более всего не любите из исторических личностей.	Оставлено без ответа.	Гитлер, Сталин.
22. Ваша героиня в мировой истории.	Клеопатра.	Жанна д'Арк.
23. Ваши любимые еда и питье.	Оставлено без ответа.	Французская и китайская кухни, односолодовое виски и бурбон, бордосские красные вина.

24. Ваши любимые имена.	Они у меня по-одному только.	Зависит от языка.
25. Что вы более всего ненавидите?	То плохое, что есть во мне.	Ложь, трусость и предательство.
26. Военное событие, которое вас более всего восхищает.	Мою добровольную службу.	Блокада Ленинграда.
27. Реформа, которая вас более восхищает.	Оставлено без ответа.	Аттила, Иван Грозный, Игнатий Лойола.
28. Талант, которым вы хотели бы обладать.	Воля и дар обольщать.	Умение рисовать.
29. Как бы вы хотели умереть?	Улучшенным — и любимым.	Быстро — либо играя в теннис, либо занимаясь любовью.
30. Каково ваше нынешнее состояние?	Скукота от того, что надо было думать о себе, чтобы ответить на эти вопросы.	Полное забот, сомнений, неуверенности, надежд.
31. К какому недостатку вы относитесь терпимее всего?	Те, которые мне понятны.	Лень.
32. Ваш любимый девиз.	Я бы слишком опасался, что он принесет мне несчастье.	«По крайней мере, я попробовал!»

Не сомневаюсь, что некоторые ответы Пруста показались вам странными. Не надо забывать: ему было всего двадцать лет, происходило это сто двадцать с лишним лет назад и, главное, Пруст был и остается фигурой чрезвычайно загадочной.

Что до моих ответов, то, как говорится, не стреляйте в пианиста – он играет, как может.

С надеждой на понимание и на то, что комментарии покажутся вам интересными, я остаюсь искренне вашим,

Юрий Лужков бывший мэр Москвы, общественный и политический деятель

В.ПОЗНЕР: Я хочу начать с сугубо личных вопросов, их всего два. Первый: правда ли, что вы начали свою трудовую деятельность в качестве дворника?

Ю.ЛУЖКОВ: Правда. Мы, как и большинство москвичей, жили достаточно бедно, семья большая – еще два брата, бабушка. Я поступил в институт, тогда стипендия была тридцать рублей, ее ни на что не хватало. Родители трудились и имели небольшие заработки. И тут подвернулась вакансия дворника на Ленинской нефтебазе. Я шесть лет там отработал. По утрам, знаете, хорошая физзарядка! В шесть утра...

В.ПОЗНЕР: Сколько получали?

Ю.ЛУЖКОВ: Тоже тридцать. Кстати, недавно мне из архива пришла выписка – я не знаю, как она появилась в городском архиве, может быть, искали? Текст такой: «Предоставить дворнику Лужкову Ю.М. отпуск на 30 дней».

В.ПОЗНЕР: Воспользовались, нет?

Ю.ЛУЖКОВ: Тогда – да.

В.ПОЗНЕР: Второй вопрос. Некоторые утверждают, что вы вообще не притрагиваетесь к спиртным напиткам. Так ли это? Давно ли это? По какой причине?

Ю.ЛУЖКОВ: Это правда. Тридцать пять лет не выпиваю. В те времена у меня немножечко шалило сердце, но дело даже не в этом. Мешало работе. Можете удивиться, но это главная причина. Я был руководителем крупного предприятия, имевшего филиалы... Знаете, можно было совсем пропасть.

В.ПОЗНЕР: Курите или курили?

Ю.ЛУЖКОВ: Курил с восьми лет. Подбирал «чинарики» около остановок, на Павелецкой набережной. До двадцати восьми лет. Уже двадцать лет как бросил. Тоже мешало работе.

В.ПОЗНЕР: Юрий Михайлович, вы фигура неоднозначная. Некоторые очень высоко вас ценят, любят, и похоже на то, что таких большинство. Для некоторых вы, напротив, как красная тряпка для быка. Вас это беспокоит?

Ю.ЛУЖКОВ: Нет.

В.ПОЗНЕР: Вы автор довольно большого количества книг, причем их выход почти всегда вызывает довольно бурное обсуждение. Совсем недавно вышла ваша книга «Вода и мир» – так и хочется сказать «Война и мир»... Могли бы вы буквально в трех предложениях изложить, в чем ее главный посыл?

Ю.ЛУЖКОВ: Главный посыл этой книги лежит как раз в том изменении названия, о котором вы сейчас упомянули, хотя я не стремлюсь даже к малейшей схожести с произведе-

нием Толстого. Речь идет о том, что отсутствие воды способно нарушить мир. Воды в мире много, в грандиозном объеме ее 1 миллиард 366 миллионов кубических километров, а пресной воды, пригодной для последующей переработки в питьевую, – всего три процента. И лишь три страны в мире имеют в сумме около 90 процентов запасов воды от всего того, что имеет человечество: это Бразилия – там находится примерно 40 процентов от запасов пресной воды; Россия – примерно 24 процента и Канада, у которой примерно 18 процентов. Сложите и получите под 90 процентов. Остальное все довольно неравномерно распределено по другим странам. В этом сейчас – проблема человечества.

В.ПОЗНЕР: Я правильно понимаю, что пресная питьевая вода может стать таким же важным ресурсом, как, скажем, нефть сегодня?

Ю.ЛУЖКОВ: Уже стала. Нехватка воды – и не только питьевой – уже ощущается в целом ряде стран, и количество их растет с каждым годом. О питьевой воде вообще можно говорить отдельно, так как сейчас далеко не везде потребляют нормальную питьевую воду. И далеко не одинаково. И в России тоже большая проблема с питьевой водой. Речь же идет о пресной воде, и это все становится проблемой взаимоотношений между людьми, проблемой взаимоотношений между государствами, межгосударственных споров. Подобное, кстати, и раньше было. Возьмите Среднюю Азию, Центральную Азию – там войны шли за воду. Вода – жизнь.

В.ПОЗНЕР: Я уже упоминал, что все ваши книги, как правило, вызывают довольно бурную реакцию. Я могу вспомнить, например, книгу «Запад и мы», которую читал с большим интересом. Потом книжка о спорных островах – «Курильский синдром». Вот теперь книга о воде... Это очень широкий разброс тематики. Волей-неволей возникает вопрос: вы себя считаете компетентным во всех этих областях?

Ю.ЛУЖКОВ: В тех, о которых я пишу, – да. Я не ученый, не эксперт, конечно. Но эта книжка написана по теме, которой я занимаюсь уже не один десяток лет – так же как и книжка о Курильских островах, которую мы написали вместе с моим коллегой. Лет семь назад Владимир Владимирович Путин пригласил меня возглавить нашу часть в российско-японском Совете мудрецов. И там поднимался вопрос о передаче Японии этих «самых северных территорий», как они их называют, четырех Курильских островов. Россия в какие-то периоды даже собиралась это сделать. Помните, Хрущев сказал: «Вот вам два острова, но только после подписания мирного договора...»

В.ПОЗНЕР: Попролам поделить предлагал.

Ю.ЛУЖКОВ: Это не Попролам. Два небольших острова – по территории и по значимости... Хрущев в этом отношении был очень последователен, и я думаю, что он занял правильную позицию. Потом во времена Бориса Николаевича Ельцина возникло желание все отдать: он отдал Крым, думал отдать и Курильские острова. В Министерстве иностранных дел и в общественности заговорили: «Давайте, что там? Ерунда! Подарим им, отдадим эти Курильские острова!» Однако оснований для передачи не было. И тогда только два человека – Ястржембский и Немцов – сделали все, чтобы Борис Николаевич не подписал документ. Они совершили подвиг, я считаю. Ведь это был Ельцин! Как тот же Немцов говорил: Ельцин – царь! Они пошли поперек мнения руководителя, да еще с такими амбициями, на этом их карьера могла закончиться. Это требовало гражданского мужества, между прочим... Так вот, я как сопредседатель Совета мудрецов должен был погрузиться в эту тему, потому что быть неспециалистом и участвовать в обсуждениях – совершенно бесперспективное занятие...

В.ПОЗНЕР: Юрий Михайлович, вы сторонник демократии?

Ю.ЛУЖКОВ: Я? Абсолютно.

В.ПОЗНЕР: В свое время президент Путин, как вы помните, отменил выборы губернаторов и взамен просто стал их назначать...

Ю.ЛУЖКОВ: Это не назначение. Это своего рода выборы, только не всеобщие. Выборы представительным органом, то есть депутатским корпусом по представлению президента. И депутатский корпус в нормативных документах мог отказать этой кандидатуре президента.

В.ПОЗНЕР: И это был бы подвиг?

Ю.ЛУЖКОВ: Я думаю, что если бы это случилось и если бы это было обоснованно, это был бы подвиг.

В.ПОЗНЕР: Все-таки тот человек, который является губернатором, или приравненное к нему лицо – по вашему мнению, он себя считает более легитимным, более на своем месте – когда? В первом случае, когда его выбирает народ, или во втором случае, как сегодня?

Ю.ЛУЖКОВ: Определенно отвечаю: в первом случае. Человек, который выбран на альтернативной основе всем населением региона, области, края или города, является и по общему признанию, и по внутреннему самочувствию более легитимным.

В.ПОЗНЕР: Значит, вы не поддерживаете то, что было сделано?

Ю.ЛУЖКОВ: Нет, я тогда поддержал это... Вы помните, в каких условиях Владимир Владимирович Путин вносил эти предложения? Это было время исключительно тревожное, и нужно было консолидировать государственный потенциал, государственную власть, сделать ее более эффективной, более мощной. Конечно, времена меняются, и сейчас этот вопрос можно вернуть на рассмотрение. Я был бы сторонником этого возвращения.

В.ПОЗНЕР: Еще один вопрос из этого разряда. Как вы знаете, президент Медведев предложил изменить Конституцию в некоторой части, продлить срок президентства с четырех лет до шести, а членство в Государственной Думе – с четырех до пяти. И это решение, вернее, этот законопроект был принят в первом чтении буквально на днях Государственной Думой. Вам оно как?

Ю.ЛУЖКОВ: Я работаю уже двадцать два года в городской власти и считаю, что даже этих двадцати двух лет недостаточно, чтобы сделать что-то путное, что-то такое, что чиновник должен обязательно сделать в свое время. Четыре года – это очень малый срок, он списан с американского. Но такой принцип президентства для России не годится. Почему? В Америке, по крайней мере, в наш исторический период система организации власти, система организации общества стабильна и устойчива. Когда эта стабильность налицо, то четыре года или два раза по четыре года – нормально, хотя маловато тоже, я считаю. А когда в обществе много сложных вопросов, которые начинает решать вновь вступивший президент, четырех лет для того, чтобы что-то завершить, мало.

В.ПОЗНЕР: Президент – тогда еще Путин – категорически отказался трогать Конституцию. Его просили: «Давайте на третий срок! Давайте, давайте!», но он говорил: «Нет, Конституцию трогать нельзя». Сейчас Медведев ее тронул. Это не вызывает у вас никаких опасений?

Ю.ЛУЖКОВ: Нет. Речь же идет не о принципиальных вопросах, при решении которых Конституцию трогать можно только через референдум, через те процедуры, которые расписаны, кстати, в самой Конституции и в законах государства. Здесь разговор ведется больше о технической стороне, а не о фундаментальных основах Конституции.

В.ПОЗНЕР: В свое время вы давали журналу «Шпигель» интервью, в котором сказали следующее: «Часть своей жизни, которую, быть может, мне еще дарует Бог, я хочу провести как свободный человек – не в золотой клетке. Мне хочется больше свободы». Что за свобода? И что за золотая клетка?

Ю.ЛУЖКОВ: Каждый руководитель находится в своей золотой клетке. И президент страны тоже. Ведь он имеет очень серьезные ограничения, связанные с его личной свободой. Вот, например: я дорожу тем, что могу в отпуске – пусть в коротком, но в любом – одеться в джинсу, надеть свою кепку и прошвырнуться по магазинам. Я могу пойти в театр в любое время... Скажите, президент страны, премьер страны имеют возможность пойти в театр без предварительной подготовки, без охраны и так далее? Поехать куда-то за рубеж, на отдых и там пройти по магазинам без каких-либо предварительных рекогносцировочных, обеспечивающих его безопасность мероприятий? Нет. Это и есть золотая клетка. Он связан своей программой, своим регламентом, своими нормами, нормами этого президентства, которые ограничивают его, подчеркиваю, личную свободу. Он несет такие обязательства, которые не позволяют ему запросто реализовывать свои человеческие интересы. Я помню ответ Джавахарлала Неру, который меня поразил – я еще был тогда студентом, молодым человеком. Наши журналисты спросили его: «Скажите, господин Неру, какая ваша самая большая мечта?» Он ответил: «Пойти в магазин, купить пшена и самому сварить пшеничную кашу». Я был в отпаде, в полном.

В.ПОЗНЕР: Но, значит, ваша золотая клетка все-таки посвободнее, чем президентская? О какой же свободе тогда вы мечтаете? И потом – вы ведь можете открыть дверцы этой клетки и выпорхнуть?

Ю.ЛУЖКОВ: Это перспектива, которая, я думаю, является реальной для каждого человека, для каждого руководителя... Моя клетка, может быть, не золотая, а медная какая-нибудь, железная или деревянная, но тоже ограничения есть. И для нас, людей, которые стараются реализовать свои государственные обязательства по-честному и полностью, самой большой золотой решеткой является время. Времени абсолютно нет. Вот у меня единственное личное, свободное время – это в январе, когда мы ездим с детьми кататься на лыжах, но сейчас и это осложняется, потому что одна – студентка, у нее экзамены, и все, закончилась лыжная эпопея.

В.ПОЗНЕР: В книжке о воде вы касаетесь вопроса поворота сибирских рек. Копей вокруг этого сломано бесконечное количество. Мы знаем: когда вмешиваешься в природу, это всегда имеет, помимо положительного, и отрицательный результат. Поворот реки – это вмешательство в квадрате. Вы не опасаетесь, что такой подход может привести к катастрофе?

Ю.ЛУЖКОВ: Да, в восемьдесят шестом году началось движение даже против этого названия – «поворот». Не реальных действий, а названия! Как это – повернуть Обь, чтобы она текла к Аральскому морю? Я думаю, что наши политологи, коммунистическая пропаганда сделали громадную ошибку тогда. О каком повороте идет речь? Это не поворот. Из 130 куби-

ческих километров использовать 25, а на первом этапе сначала 4 или 5 кубических километров – это, простите, не поворот. Это взять небольшую часть и вернуть в Россию, в которой есть регионы, испытывающие колоссальную жажду. И как раз эти регионы находятся в том месте, где вода может быть взята из Оби или из Иртыша. И это безболезненно абсолютно – я отвечаю за свои слова. Кстати, эту тему еще в 1872 году поднял харьковский гимназист Демченко, посвятив ей впоследствии всю свою жизнь. Он предлагал взять небольшую часть стока, причем весенних паводков Оби и вернуть ее в Курганскую область, в Челябинскую, в Оренбургскую и на юг Тюменской области, которым не хватает воды для сельскохозяйственного производства. Прекрасные земли, прекрасное солнце, прекрасные возможности – и рискованное земледелие.

В.ПОЗНЕР: Вы понимаете, что ваши слова вызовут бурю недовольства среди очень большого количества ученых, экологов, «зеленых»?

Ю.ЛУЖКОВ: Когда была презентация этой книги, на встречу со мной пришло много тех, кто сомневался, но были и те, кто поддерживал. И вы знаете, общее мнение разворачивается в пользу того, чтобы вначале проекта взять четыре кубических километра – это даже не пять процентов, а где-то один-полтора – и насытить российские земли водой для сельхозпроизводства. 120 миллионов гектаров можно оросить этой водой!

В.ПОЗНЕР: Поговорим о Москве. Вы москвич. Сравните Москву вашего детства, вашей юности и Москву сегодняшнюю. Какая вам милее? Чего вам не хватает, или, наоборот, все есть?

Ю.ЛУЖКОВ: Вообще, место рождения и то, что связано с детством, всегда милее своими воспоминаниями. У нас были дворы. Двор – это лучший воспитатель. Воспитатель верности, мужества, стойкости к невзгодам, которых было более чем достаточно, воспитатель коллективизма – потому что все праздники проходили во дворе... Теперь дворов нет. Пришла цивилизация... У нас были бараки, шлак, а сейчас – отдельные квартиры...

В.ПОЗНЕР: Неужели у вас ностальгия по баракам?

Ю.ЛУЖКОВ: Нет. Ностальгия по дворам. Это разные вещи.

В.ПОЗНЕР: Да, согласен. Вы знаете, что у вас есть разные клички в народе? Одна из них – «Властелин колец» – появилась после строительства МКАДа, Третьего транспортного кольца. Теперь идет речь о Четвертом. Согласно, если я не ошибаюсь, «Новой газете», один километр этого Четвертого кольца будет стоять вдвое больше, чем один километр чуда двадцать первого века – так называемого Большого адронного коллайдера в Швейцарии. Вы как-то сказали, что гигантизм свойственен гигантской стране. Но можно ли сказать так, что гигантский бюджет возбуждает гигантский аппетит бюрократии?

Ю.ЛУЖКОВ: Насчет этих вычислений... Давайте оставим их на совести «Новой газеты». Это чушь какая-то. Как в случае с Даниловым-Данильяном, главным противником «поворота» реки (как это называет он), или «использования малой части Оби» (как это называю я). Он говорит, что этот канал требует 300 миллиардов долларов капитальных вложений. Это сумасшествие! Я не знаю, откуда он взял эту цифру, но это ересь, смешно слышать такое от члена-корреспондента Академии наук. Также и здесь. Такие цифры называют, наверное, для того, чтобы доказать, будто строить дороги – не под силу городу и государству. Однако, во-первых, Четвертое кольцо мы строим и дальше будем строить. Во-вторых: если бы государство не отменило Дорожный фонд, то стоимость Четвертого кольца была бы в 6–8 раз ниже. Кстати говоря,

когда строили за городские деньги МКАД и Кольцевую дорогу, то как раз и выходило в 6–8 раз дешевле, чем в настоящее время. И вот я задаю вопрос вам: этого не надо делать? Нет, это нужно делать обязательно!

В.ПОЗНЕР: Говорят, что есть чиновники, которые присматриваются к большому бюджету, и с этим связаны некоторые данные, полученные из фонда «Общественное мнение». Из них следует – я не знаю, согласитесь вы или нет, – что Москва – самый коррумпированный город среди регионов Российской Федерации. Сорок два процента москвичей признали, что давали когда-либо взятку. Что вы думаете по этому поводу? Вообще, есть ли мера вашей ответственности во всем этом, если это правда?

Ю.ЛУЖКОВ: Мера ответственности любого руководителя за нарушения закона (а коррупция – это нарушение закона), конечно, есть. Я оставляю на совести аналитиков эти первые места, которые присуждаются Москве. А мы с коррупцией боремся, и очень серьезным образом. Есть два метода борьбы с ней. Первый – рациональность расходов. Второй относится к сфере правоохранительной системы – если имеются случаи коррупционных действий, коррупционных связей, то в дело должны вступать милиция, прокуратура, следствие.

В.ПОЗНЕР: Можно ли сказать, что вы в принципе довольны успехами в этом направлении?

Ю.ЛУЖКОВ: В части хозяйственной деятельности, в части рационального расходования бюджета я не могу быть спокойным, но меры, которые мы принимаем, очень эффективны. Первое. Если вы спросите антимонопольную службу, которая следит за организацией аукционов, конкурсов и тендеров (а они – первый шаг в антикоррупционных планах и мероприятиях), вам скажут, что Москва первая и наилучшим образом ввела эти конкурсные начала в распределение заказов. Второе. Мы создали Москонтроль – это очень серьезный комитет, через который проходят все решения по нашим городским заказам, городским обязательствам и так далее. И он нам сэкономил немалые деньги, которые, если бы не было такого контроля в системе правительства города, могли бы просто уйти в пустоту, а скорее всего, стали бы той основой, на которой базируются откаты, коррупция и всякие взятки.

В.ПОЗНЕР: Вы как-то сказали: «Бюджет Москвы уже обогнал бюджет Нью-Йорка и сейчас занимает второе место в мире после Токио, в этом году он составит 54 миллиарда долларов». Известно, что Москва входит в тройку самых дорогих городов мира...

Ю.ЛУЖКОВ: Для кого?

В.ПОЗНЕР: Для живущих в ней людей.

Ю.ЛУЖКОВ: Нет. Эти расчеты делали только в отношении иностранцев. Для москвичей это не так. И тем более это не касается московских пенсионеров.

В.ПОЗНЕР: Есть такая организация – можно ей доверять или не доверять, тем не менее она пользуется некоторым авторитетом в мире – Mercer Human Resource Consulting. Она выбрала 215 крупнейших городов мира и расставила их по качеству жизни – как она это понимает. На первом месте стоит Цюрих, на последнем – Багдад. Москва, по их расчетам, находится на сто семьдесят третьем месте. Как вы относитесь к этой оценке?

Ю.ЛУЖКОВ: Думаю, что ее надо уважать.

В.ПОЗНЕР: А как вы понимаете тогда качество жизни?

Ю.ЛУЖКОВ: Качество жизни – это, во-первых, уровень жизни. Во-вторых, это культурная среда, среда обитания, экология. В-третьих, и это имеет смысл для определенной категории москвичей, которые составляют десять процентов от населения города, – это безбарьерность среды, то есть условия жизни инвалидов. Их у нас 1 миллион 200 тысяч человек. Условий для инвалидов у нас нет, город для них является совершенно нецивилизованным, поэтому мы будущий год объявляем «Годом равных возможностей», «Годом инвалидов»... А к подобным оценкам, какими бы они ни были тяжелыми для мэра, для правительства города, нужно относиться с уважением.

В.ПОЗНЕР: На прошлой неделе у вас возник спор с начальником ГАИ города Москвы, вы его ругали, и он – я услышал это в эфире одной радиостанции, – говоря, что вы не правы, заметил: «Юрий Михайлович любит делать популистские заявления». Любите?

Ю.ЛУЖКОВ: Не экзаменовал себя по этому вопросу.

В.ПОЗНЕР: В мае этого года на праздновании 255-летия Черноморского флота вы заявили, что Севастополь никогда не передавался Украине и должен быть возвращен России. При этом вы добавили: «Если мы потеряем Севастополь, мы потеряем Кавказ». Вы, мэр Москвы, находясь в чужой стране, касаетесь темы, которая к Москве прямо никак не относится. Во-первых, считаете ли вы это правомочным? И, во-вторых, не осложняет ли это и без того сложные отношения между Украиной и Россией?

Ю.ЛУЖКОВ: Вы в этом находите что-то популистское?.. Но ведь это берет за сердце, наверное, каждого россиянина. То, что происходит с Севастополем и Крымом, – это не популизм. Это наша история, наши потери, которые каждый россиянин считает несправедливыми для страны. Екатерина 225 лет назад, понимая государственные интересы России, отвоевала Крым, образовала Севастополь, и сейчас мы одним росчерком пера взяли и отдали все это, когда делили страну. Да, Крым был отдан Украине в связи с 300-летием добровольного воссоединения Украины с Россией. Но когда соединялись – можно было что-то сделать, а когда расходились – надо отдать пожитки, какие были...

В.ПОЗНЕР: То есть вы считаете, что правильно сделали, выступив так в Севастополе? И вас не волнует, что подобное высказывание не вызвало никакого восторга у украинского руководства?

Ю.ЛУЖКОВ: Не волнует. Я говорил это, понимая и воспринимая позицию россиян. Кроме того – почему вы сказали, что я это заявление сделал на территории Украины? Севастополь – военно-морская база Российской Федерации. Он никогда не был украинским. Я стоял на русской земле, на территории русской военной базы, потеря которой равносильна потере Кавказа или серьезным осложнениям в Черном море...

В.ПОЗНЕР: Евгений Юрьевич Сидоров пишет: «На днях в США вышел фальшивый номер газеты «The New Your Times», датированный 4 июля 2009 года, Днем независимости США, где американцы могли найти новости, о которых они мечтают. Например, война в Ираке закончена. Или: бывший президент Джордж Буш отдан под суд за развязывание войны». Если б вы могли выпустить такую газету в День независимости России, то есть 12 июня 2009 года, какие заголовки вы хотели бы там увидеть?

Ю.ЛУЖКОВ: Россия вернула себе Крым и Севастополь.

В.ПОЗНЕР: И все?

Ю.ЛУЖКОВ: А что, этого мало? Для одного выпуска газеты, мне кажется, вполне достаточно.

В.ПОЗНЕР: Вопрос: «Уважаемый Юрий Михайлович, когда же в Москве, в нашей любимой единственной Москве не станет пробок? И когда будут нормальные выезды из дворов?

Насущный вопрос – это парковка. Есть ли какие-то планы по урегулированию этой проблемы? Место моей работы находится буквально за мэрией, и каждый день я сталкиваюсь с этими сложностями, каждый день борюсь за место...» Что скажете?

Ю.ЛУЖКОВ: Проблема пробок – это, к сожалению, естественный результат цивилизационного развития. Это не оправдание, а просто констатация того, что мы должны с вами понимать, – мы наблюдаем увеличение количества москвичей, способных иметь одну-две машины на семью. Проблема пробок – упущение власти в части строительства дорог. Я уже говорил: я очень сожалею о том, что вся страна послушалась министра финансов и лишилась Дорожного фонда. Его лишилась не только столица – все регионы перестали строить дороги самостоятельно. Это ужасно! Деньги, которые получены за нефть, следовало вложить в инфраструктуру, а не отправлять за рубеж. И инфраструктура эта дала бы нам возможность гораздо спокойнее переносить все невзгоды, которые к нам приходят из Америки...

В.ПОЗНЕР: Юрий Михайлович, так как мы будем решать проблему пробок?

Ю.ЛУЖКОВ: Решаем. Во-первых, строим дороги. Во-вторых, строим гаражи – и подземные, и надземные, а главное – перехватывающие парковки. Люди смогут оставлять свои машины и пересаживаться на общественный транспорт, в первую очередь на метро. В-третьих, мы строим метро, выделяем на него сейчас очень приличные деньги – в отличие от государства, кстати, которое должно было давать нам на это средства. И, в-четвертых, ведется работа по управлению дорожным движением.

В.ПОЗНЕР: Еще вопрос: «Очень хотелось бы, чтобы в Москве не было под ногами грязи. Когда ходишь по мостовой, на ней такая каша мерзкая. Почему этого нет ни в одном другом европейском городе, цивилизованном? В Хельсинки такая же, собственно говоря, природа, такой же климат, но этой грязи под ногами нет...»

Ю.ЛУЖКОВ: Я не согласен. Есть много проблем, связанных с чистотой города, но если сравнивать Москву и Нью-Йорк, Москву и Париж, то, я думаю, мы по части чистых улиц выглядим не хуже.

В.ПОЗНЕР: Николай Алексеевич Уфицкий пишет: «Что-то давно вас не видно на автомобиле «Москвич». Все больше на «Порше». Вот когда в девяносто девятом году готовились, было другое дело. С чем связана такая кардинальная перемена?»

Ю.ЛУЖКОВ: Все очень просто. «Москвич» как структура, которая производила автомобили и принадлежала федеральной власти, перестал выпускать свои автомобили. «Победы», «Волги» тоже практически закончились. А ЗИЛ, который принадлежит Москве, продолжает работать.

В.ПОЗНЕР: Следующий вопрос от Якова Николаевича Охонько: «Не считаете ли вы, что длительное пребывание руководителя на одном посту приводит к застою системы и накоплению критического количества ошибок в управлении, которые старая команда отказывается признавать и исправлять?»

Ю.ЛУЖКОВ: Это очень серьезный вопрос, который нужно всегда отслеживать. И если возникают такие моменты или такие симптомы, власть необходимо менять.

В.ПОЗНЕР: Замечательный французский писатель Марсель Пруст придумал вопросник, в котором несколько десятков вопросов. Хочу вам задать некоторые из них... Какую черту вы более всего не любите в себе?

Ю.ЛУЖКОВ: То есть вы хотите спросить, чем я сам себе не нравлюсь?.. Это самый сложный вопрос из всех, которые вы мне задавали. Наверное, все-таки тем, что я мало занимаюсь семьей.

В.ПОЗНЕР: Какую черту вы более всего не любите в других? Вообще не любите в ком-то?

Ю.ЛУЖКОВ: Нечистоплотность.

В.ПОЗНЕР: Каким талантом вы более всего хотели бы обладать?

Ю.ЛУЖКОВ: Талантом Кобзона.

В.ПОЗНЕР: Кобзона? Петь? Хорошо... Какое ваше самое нелюбимое слово?

Ю.ЛУЖКОВ: Непорядочность.

В.ПОЗНЕР: А какое самое любимое?

Ю.ЛУЖКОВ: Порядочность.

В.ПОЗНЕР: Что вы считаете своим главным достижением?

Ю.ЛУЖКОВ: Пожалуй, такого все-таки нет.

В.ПОЗНЕР: О чем вы больше всего сожалеете?

Ю.ЛУЖКОВ: О зря потраченном времени – его много.

В.ПОЗНЕР: Если б вы могли пообщаться с любым человеком, который когда-либо жил на свете – поговорить, посидеть с ним, – кто бы это был?

Ю.ЛУЖКОВ: Скорее всего, Шухов.

В.ПОЗНЕР: Предположим, что Бог есть. И что после смерти вы окажетесь перед ним. Что вы ему скажете?

Ю.ЛУЖКОВ: «Привет. Я уже у твоих ног».

17 ноября 2008 года

* * *

На днях я смотрел разные программы по телевидению и случайно попал на вещание американской телевизионной сети CNN, на большой специальный репортаж. Причем в анонсе говорилось, что это репортаж первого западного журналиста, которому открыли полный и неограниченный доступ в Южную Осетию. Вообще, репортаж был большой и абсолютно объективный. И из него вытекает, вне всяких сомнений, то, что, во-первых, войну в Южной Осетии начала Грузия и, во-вторых, что грузинской стороной против мирного населения были использованы военные средства в абсолютно непозволительном размере. То есть, в общем, там сказаны вещи, которые мы с вами знали, но о которых на Западе не говорилось. И получается, что потребовалось три месяца, чтобы самая известная, самая авторитетная информационная служба наконец сообщила своим зрителям эти факты.

Можно ли сказать, что лучше поздно, чем никогда? Наверное, можно, но задается вопрос: «А почему поздно?» Да потому что на самом деле западных журналистов не очень-то пускали в Южную Осетию. Зато грузинская сторона не только пускала, но даже зазывала. Ну а как действует журналист, когда с одной стороны – шлагбаум, а с другой – широко распахивают дверь? Он же человек, и он на это реагирует.

Я думаю, что этим иностранным журналистам не давали возможности работать в Южной Осетии с самого начала, потому что бытовало мнение, будто они все равно правды не скажут, будут врать. Однако произошло то, что произошло. Я очень надеюсь, что из произошедшего извлекут соответствующие уроки. Журналисты есть всякие – честные, нечестные, на Западе, на Востоке, но все-таки им надо давать возможность работать.

Первая программа «ПОЗНЕР» вышла в эфир 17 ноября 2008 года. История ее возникновения небезынтересна.

В октябре 2000 года я стал вести придуманную мной программу «Времена». Для тех, кто не помнит: в ней участвовали гости в количестве четырех, редко – пяти человек, «свежая голова» – ведущая новостей Жанна Агалакова и я. Обсуждались только самые острые и животрепещущие вопросы. Программа выходила поначалу в воскресенье в 21.30, потом в субботу в 18.00 и пользовалась огромной популярностью... до определенного момента – до введения жесткого контроля над федеральными телеканалами. Это время совпадает с приходом к власти В.В. Путина, с отстранением от ОРТ Бориса Березовского и разгоном старого состава НТВ во главе с Владимиром Гусинским. По сути дела, тогда же были отменены принципы горбачевской «гласности» и ельцинского невмешательства в СМИ. Им на смену пришел жесткий контроль Кремля.

По мере укрепления этой политики мне, автору и ведущему «Времен», становилось все яснее, что программа теряет всякий смысл: невозможен откровенный и честный разговор о чем-либо, невозможно приглашать для участия в программе «неудобных», все чаще записанная программа подвергается «редактуры» (читай – «цензуре»). Делать ее стало не только скучно, но и стыдно. И вот в конце июня 2008 года я объявил о закрытии программы.

Понятно, что я обсудил это решение с генеральным директором Первого канала (название «Общественное российское телевидение» (ОРТ) ликвидировали, что, кстати, правильно, поскольку это телевидение никогда не было общественным) Константином Львовичем Эрнстом, который и предложил мне подумать над новым проектом. Таковым стала программа «ПОЗНЕР», которая, хотя подвергалась и подвергается давлению со стороны власти, все же куда как вольнее «Времен».

Итак, 17 ноября 2008 года в прямой эфир (это было и остается условием моей работы) вышла первая передача, и я, конечно, очень волновался. Но я совершенно не предполагал, что

после нее у меня навсегда испортятся отношения с моим гостем – мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым...

Я никогда не стремлюсь к общению со своими потенциальными гостями. Не играю с ними в теннис, не хожу в баню, не приглашаю к себе и не принимаю их приглашений, не позволяю платить за себя в ресторане в случае, если это место деловой встречи. Это принцип, и он объясняется очень просто: невозможно задавать человеку жесткие, неприятные ему вопросы, если ты с ним ломал хлеб. Нельзя дружить с человеком, если твоя профессия в любой момент может вынудить тебя его «мочить». Два моих интервью – с Михаилом Жванецким и Иваном Ургантом – провалились именно потому, что я люблю их, что они мои друзья, и я не мог заставить себя задавать им тяжелые для них вопросы.

С Лужковым я не дружил, но у нас с ним были хорошие отношения (подтверждение тому – его согласие быть первым гостем новой программы, выходящей в прямой эфир). Более того, Юрий Михайлович не только всегда отвечал на мои телефонные звонки, не только принимал меня, когда я о том просил, но дважды существенно помог мне, за что я был и остаюсь ему благодарным.

Лужков пришел потому, главным образом, что хотел поговорить о своей новой книге «Вода и Мир». Я был не против, но совершенно не собирался ограничивать наш разговор этой темой. Мы обсудили много интересного: и спорные острова Курильской гряды, и Крым с Севастополем, и «золотую клетку», в которой сидят руководители... Но главным – тем, что и привело к прекращению наших отношений, – явился вопрос о губернаторстве. Приведу здесь цитату.

* * *

«В.ПОЗНЕР: Юрий Михайлович, вы сторонник демократии?

Ю.ЛУЖКОВ: Я? Абсолютно.

В.ПОЗНЕР: В свое время президент Путин, как вы помните, отменил выборы губернаторов и взамен просто стал их назначать...

Ю.ЛУЖКОВ: Это не назначение. Это своего рода выборы, только не всеобщие. Выборы представительным органом, то есть депутатским корпусом по представлению президента. И депутатский корпус в нормативных документах мог отказать этой кандидатуре президента.

В.ПОЗНЕР: И это был бы подвиг?

Ю.ЛУЖКОВ: Я думаю, что если бы это случилось и если бы это было обоснованно, это был бы подвиг.

В.ПОЗНЕР: Все-таки, тот человек, который является губернатором, или приравненное к нему лицо – по вашему мнению, он себя считает более легитимным, более на своем месте – когда? В первом случае, когда его выбирает народ, или во втором случае, как сегодня?

Ю.ЛУЖКОВ: Определенно отвечаю: в первом случае. Человек, который выбран на альтернативной основе всем населением региона, области, края или города, является и по общему признанию, и по внутреннему самочувствию более легитимным.

В.ПОЗНЕР: Значит, вы не поддерживаете то, что было сделано?

Ю.ЛУЖКОВ: Нет, я тогда поддержал это... Вы помните, в каких условиях Владимир Владимирович Путин вносил эти предложения? Это было время исключительно тревожное, и нужно было консолидировать государственный потенциал, государственную власть, сделать ее более эффективной, более мощной. Конечно, времена меняются, и сейчас этот вопрос можно вернуть на рассмотрение. Я был бы сторонником этого возвращения...»

* * *

18 ноября президент Дмитрий Анатольевич Медведев, будучи в Ижевске и отвечая на вопросы местного журналиста, сказал следующее: «Теперь в отношении возврата к прежней системе наделения полномочиями или избрания губернаторов... Я свою позицию формулировал и еще раз скажу. Считаю, что та система наделения полномочиями губернаторов, которая есть сегодня, является оптимальной... и единственно возможной. И ее пересмотр не только нереален, но и недопустим. Если же об этом говорят главы субъектов Федерации, то, конечно, они имеют право рассуждать, но они не частные лица. Если их что-то не устраивает в нынешней процедуре наделения полномочиями, они могут подать мне заявление об увольнении».

Это выступление было показано по Первому каналу, да и не только. И для того человека, который видел мою программу с Лужковым, было совершенно очевидно, что это ответ президента мэру.

То, что происходило дальше, я узнавал из своих источников (которых у порядочного журналиста немало число): как только Медведев вернулся в Москву, Лужков поехал к нему в Кремль и положил на стол заявление об отставке. Медведев заявления не принял и заверил Лужкова, что сказанные им в Ижевске слова не относились к нему.

С этого момента Лужков перестал отвечать на мои телефонные звонки. Когда мы случайно встретились с ним на представлении «Cirque du Soleil», он еле поздоровался. Мне это было крайне неприятно, тем более что я не чувствовал себя виноватым ни в чем: мое дело – задавать вопросы, а дело гостя – отвечать на них по собственному разумению.

Я написал Лужкову письмо и, понимая, что никто в мэрии не примет его от «персоны нон грата», позвонил Иосифу Кобзону с просьбой передать его по адресу. Он согласился. Дней через десять Иосиф Давыдович позвонил мне и сказал, что спрашивал Лужкова, прочитал ли тот мое послание, и услышал в ответ: «Да, прочитал».

К этому могу добавить лишь, что когда Медведев снял Лужкова, сам бывший мэр сказал, что «наезд» на него начался с программы «ПОЗНЕР».

Михаил Горбачев **политик, бывший президент СССР**

В.ПОЗНЕР: Михаил Сергеевич, мы с вами почти одногодки. И пожалуй, я начну с неожиданной для меня вещи... Буквально два дня назад я узнал о том, что вы обедали с известным английским актером Хью Грантом и каким-то бизнесменом, причем они заплатили за обед – каждый по 250 тысяч фунтов, почти 700 тысяч долларов. Это так?

М.ГОРБАЧЕВ: Этот лот был разыгран. Международный фонд помощи детям имени Раисы – он расположен в Лондоне – каждый год проводит большой фестиваль. Встречи очень интересные, приглашается публика из ряда вон. Ясно, что мы тут преследуем определенные цели – собрать побольше денег. Обед со мной начинается с пятидесяти фунтов, а дальше идет аукцион. В этот раз догнали до 250 тысяч, и к Гранту присоединился еще один человек – «И я, – говорит, – присоединяюсь». И такую же часть принес. Вышло полмиллиона. Я подумал, если бы адрес изменить немного... *(смеется)*

В.ПОЗНЕР: О чем вас спрашивал Хью Грант? Какие у него были к вам вопросы?

М.ГОРБАЧЕВ: А вы знаете, было потрясающе интересно. Хью Грант оказался сведущим человеком, очень интегрированным в сегодняшнюю жизнь. А сегодняшняя жизнь – это нагрянувшая на всех беда, кризис, и все думают, что дальше с нами будет? Было много вопросов на этот счет.

В.ПОЗНЕР: А спрашивал ли он вас о прошлом?

М.ГОРБАЧЕВ: Безусловно. И тоже оказался знающим человеком. Хотя, может, он готовился. Правда, подготовиться трудно, когда базы нет.

В.ПОЗНЕР: Многие люди так же хотели бы задать вам вопросы. Итак, первая группа: «Сожалеете ли вы о том, что вы сделали по развалу страны?», «Я, например, на него обижена за развал Союза. Очень обижена», «Был ли так предсказуем или безнадежен наш Союз?», «Зачем надо было разваливать Советский Союз? И сколько он за это получил?»... Еще Игорь Ковалевский спрашивает: «Господин первый президент СССР, не кажется ли вам, что Нобелевской премией мира вас наградили не за объединение Германии, а за развал СССР и так далее?» Вот такова эта группа вопросов. Что вы ответите этим людям?

М.ГОРБАЧЕВ: Я их понимаю, поскольку и сейчас мы можем услышать: «Только что закончился съезд женщин в связи с «...летием» или юбилеем того самого съезда, который объявил о международном дне женщин, где участвовали представители всех партий, в том числе Коллонтай...». Значит, все у нас было так или иначе, но в принципе мы двигались и остались собой, мы – это Россия. Надо только два периода перечеркнуть и забыть о них: это 1917 год, который привел к известным последствиям, и вторая половина 1980-х годов. Тогда ведь не только я жил – и вы в том числе. Это меня и поддерживает, всегда поддерживало – что не один я. Если бы я был столь силен и могуч, то, конечно... Недавно я слушал беседу корреспондента «Фигаро» с Владимиром Владимировичем Путиным. И возник некий упрек в адрес Путина – будто он хочет возродить империю, намек на имперские замашки у нынешних руководителей. Владимир Владимирович ответил: «Послушайте, бросьте вы нам это вменять в вину. Империя была разрушена, потому что Россия так решила. А если бы Россия не захотела и не решила, то

мы и сейчас жили бы в Советском Союзе». Это очень интересный для меня ответ. Наконец, я услышал что-то другое. А то ведь все вокруг твердят: «Горбачев разрушил» и так далее. Горбачев до последнего патрона сражался за то, чтобы сохранить Союз. Я считал и сейчас считаю, что Советский Союз мог быть сохранен, но при обязательной децентрализации, модернизации – чтобы республики, выросшие до самостоятельных государств, стали суверенными и пользовались этим. Вы помните название в нашем проекте, который мы же представили народу? Это же я предложил. Так что же: я разрушал и одновременно делал все это?

В.ПОЗНЕР: Вернувшись с Фороса после подавления путча ГКЧП, в 1991 году, вы заявили – очень хорошо помню эти слова: «Я вам все равно не сказал всего. И никогда не скажу всего». Вам не кажется, что это в какой-то степени способствует развитию всяких подобных сказок? И не мучают ли вас некоторые моральные обязательства – возможно, стоит сказать людям, что же было?

М.ГОРБАЧЕВ: Да мой ответ касался совсем не этого. Люди хотели узнать побольше и спрашивали: «Что вы не сказали и что еще можете сказать нам?» Я говорил: «Знаете, как бы вы ни старались, я не смогу вам рассказать всего». Разве для вас новость, что президент – это человек, который, с одной стороны, получил шанс от судьбы возглавить государство, что-то решать или наоборот, а с другой стороны, это человек, заключенный в некие рамки? Я не могу многое и сейчас рассказывать. Известно ведь, что есть вещи, которые хранятся в тайне и пятьдесят, и сто, и больше лет...

В.ПОЗНЕР: Новый союзный договор был готов, опубликован, назначено подписание. И вы не могли не знать, что время напряженное, что сопротивление этому договору, несомненно, будет. Но взяли и уехали в этот самый Форос. Почему вы сначала не подписали, не сделали все необходимое?

М.ГОРБАЧЕВ: Нет, планировался процесс. Мы представили договор людям, опубликовали – и люди его читали. Пока они читали и изучали, мы вырабатывали сроки, и дальше уже должно было идти подписание по очереди. Так процесс и пошел бы. А я за это время решил отдохнуть немного. Сейчас жалею: не надо было уезжать. Язов сказал: «Я старый дурак, меня втянули в это!» Теперь они все рассказывают, как их арестовали, посадили – и все до съезда: дело было завершено, все эти следственные действия, и дело уже в суде рассматривалось. Давайте подумаем. Как же получилось так, что вдруг после 1993 года – а они все находились в заключении, и продолжался процесс – всех их амнистировали? Да просто Ельцин не хотел, чтобы дело возбудили в 1993 году – была договоренность у них такая. А противники – коммунисты в том числе – решили вопрос об освобождении, об амнистии сидящих гэкэчепистов. И мы с вами как бы там и не присутствовали. Вот так была развязка организована. И были подорваны мои позиции. Но все же я продолжал – и не только я один. Если бы я не опирался на поддержку людей, прессы, общественного мнения – что я мог бы?.. В этой обстановке мы подготовили новый договор. Я вывел всех перед телевидением, и все заявили: «Да, Союз будет». А за спиной опять началось – делалось все, чтобы освободиться от Горбачева. Не могли они в открытой политической борьбе справиться со мной! Поэтому перевороты и пошли. Сегодняшний вожь российских коммунистов, которого опять избрали, – товарищ Зюганов – сказал так: «Время у нас очень крутое, сложное, и нужны опытные люди, способные взять все на себя, на свои плечи и найти решение». А что делал Зюганов, когда мы вышли на второй проект договора и направили уже в республики для того, чтобы они начали рассматривать, а потом подписывать? Когда появились Беловежские соглашения о роспуске, по сути, Союза, Зюганов по просьбе Хасбулатова бегал и уговаривал коммунистов и других проголосовать за

них. Я спрашивал его и остальных: «Когда же вы боролись? Вы говорите, что за Союз боролись – но когда? Тогда вы сказали, что ГКЧП организовали для того, чтобы спасти Союз. Но Беловежские соглашения о роспуске Союза! Тем более. и новый договор уже готовый лежит. А вы теперь голосуете за Беловежские соглашения».

В.ПОЗНЕР: Говорят, история не знает сослагательного наклонения, но тем не менее... Если бы этот договор все-таки был подписан до вашего отъезда в отпуск, как вы полагаете, сохранился бы, пусть в другом несколько виде, Советский Союз?

М.ГОРБАЧЕВ: Думаю, что Советский Союз сохранился бы, потому что и сейчас – вот только недавно левадовский центр провел опрос – 60 % населения сожалеют о том, что СССР развалился.

В.ПОЗНЕР: Значит, можно сказать, что ваше решение об отъезде было ошибкой?

М.ГОРБАЧЕВ: Да. Я уже это сказал. Так же как было ошибкой и то, что я после известных процессов не отправил Ельцина навсегда куда-нибудь заготавливать бананы и прочее. Тогда Пленум требовал: «Исключить из членов ЦК!», некоторые предлагали из партии выгнать за то, что он затеял. На днях мне рассказали, как Михаил Полторанин делился с одним товарищем: «Мы рассчитывали, что он выйдет на Пленуме и поставит вопрос о стариках – Громыко и других в Политбюро, – о том, что надо омолаживать, брать других людей». Он был недоволен тем, что не являлся членом Политбюро. Он думал: заварит «кашу», а дальше руководство развалится. Вот на что рассчитывал этот человек...

В.ПОЗНЕР: Значит, вы ошиблись дважды?

М.ГОРБАЧЕВ: Дважды. Но я вам больше скажу: все мы ошиблись еще три раза.

М.ГОРБАЧЕВ: Коротко. Уже в 1986 году после съезда, после январского Пленума, поездки наши – мои и членов Политбюро – по регионам, встречи с людьми, разговоры показывали, что процесс не идет. Ну то есть идет очень медленно. Дело доходило до того, что люди публично, при всех, в присутствии начальников, которых перестали бояться, начали говорить: «У нас здесь ничего не меняется. Мы вас поддерживаем, но учтите, у нас здесь ничего не меняется. Нам говорят: «Подождите». Были и другие – и Косыгин, и Хрущев... А мы здесь навсегда. Уйдет и Горбачев, как ушли другие. А мы – здесь». Из Минска рабочий прислал телеграмму – она у нас в архивах, но уже опубликована везде: «Михаил Сергеевич, дайте команду ударить по штабам». Я приехал в Норильск, на металлургический завод. Говорю: «Да, я не только от вас получаю письма, не только к вам на встречу приехал. Номенклатура тормозит. Вот получил из Минска...» и рассказываю. «Так правильно он пишет! Надо ударить по штабам этим, ибо они тормозят». Я спрашиваю: «А вы знаете, чей этот лозунг? Это же китайская культурная революция. Вот они ударили и десять – пятнадцать лет выходили, выбирались потом. Нам это надо? Почему не воспользоваться тем, что вы сейчас уже имеете право выбирать – и на заводе, и в партийных организациях, и в советах, и так далее? Выбирать!» Тогда же выбирали и директоров, и других руководителей. «Ну и выбирайте! Обновляйте». Мы и сами в партийных организациях провели эти выборы. Трижды в результате выборов сменился состав секретарей горкомов, райкомов. Но каждый раз новая плеяда практически повторяла то же самое...

В.ПОЗНЕР: Вы получали какие-то аналитические записки – из КГБ, может, из других ведомств – о состоянии экономики, состоянии умов?

М.ГОРБАЧЕВ: В общем, да – больше мы получали из институтов наших.

В.ПОЗНЕР: Они отражали реальное положение?

М.ГОРБАЧЕВ: Да, да.

В.ПОЗНЕР: И все-таки – три ошибки?

М.ГОРБАЧЕВ: Первая – запоздали с реформированием партии. Вторая – запоздали с реформированием Союза. Это была бы совсем благополучная мера. Все ратовали за то, чтобы статус республик сохранился таким, каким был записан в Конституции – суверенное государство. И третья. После 1989 года – когда вся страна в очередях оказалась и нам не хватало товаров для того, чтобы удовлетворить потребности, когда за итальянские туфли могли покалечить в очереди, – надо было (об этом говорил, между прочим, Николай Шмелев) найти десять – пятнадцать миллиардов долларов. Их можно было найти... Этот вопрос обсуждался. В Политбюро мнения раскололись. Была группа, которая настаивала, но против высказывался Николай Иванович Рыжков. Я ему доверял, поддерживал его во всем. И в данном случае поддержал. А надо было пойти на это. Что такое пятнадцать миллиардов?

В.ПОЗНЕР: Еще один вопрос «с улицы». «О чем вы думали, когда договаривались выводить наши войска из Германии буквально в чистое поле? Я бывшая жена офицера. Я все это перенесла, и мне даже вспоминать об этом не хочется». Войска действительно выводили «в чистое поле»?

М.ГОРБАЧЕВ: Это было совместное решение Советского Союза и Германии. И все было рассчитано на совместную деятельность. Все пункты, которые касались Германии, Германия выполнила. Однако она поддержала – это уж я попутно скажу – тех, кто начал придвигать НАТО к границам. Что же касается вывода – у нас на четыре года было все расписано. И выводились наши войска в приграничные округа, где были и коммуникации, и места для расположения, и так далее. Но ведь когда распался Союз, России пришлось все менять и выводить к себе, к своим границам – а это центр, по сути дела, необустроенный. Это уже последствия развала Союза...

В.ПОЗНЕР: Многих людей волнует вопрос: есть ли у вас ощущение, что Америка вас обманула? Никаких уступок, обещанных США, не было ведь сделано?

М.ГОРБАЧЕВ: Нет такого ощущения, потому что я знаю реальность. Америка не обманула.

В.ПОЗНЕР: Вспомним вашу историческую встречу в Рейкьявике с президентом Рейганом... Почему вы на слово поверили Джеймсу Бейкеру, госсекретарю США, когда он сказал: «Не произойдет распространение юрисдикции и военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении». Почему вы не настояли на том, чтобы юридически это оформить?

М.ГОРБАЧЕВ: Такого вопроса не возникало, и по простой причине: как подписать при существующем НАТО и Варшавском договоре, что не будет движения? Ведь что значит движение, когда существуют две военные организации? Начало Третьей мировой войны?

В.ПОЗНЕР: Это понятно. Но исчезла одна организация.

М.ГОРБАЧЕВ: Так исчезла тогда, когда исчез Советский Союз. И расширение началось при Клинтоне.

В.ПОЗНЕР: Ну, значит, может быть такой аргумент: «Россия – правопреемник Советского Союза»? Была договоренность с Советским Союзом о том, что НАТО не станет продвигаться на Восток. Почему тогда это не соблюдается с Россией?

М.ГОРБАЧЕВ: Когда стало известно, что Польша собирается первой вступить в НАТО, Борис Николаевич приехал туда с визитом. Ему задали вопрос: «А как вы на это смотрите?» Он сказал: «Это ваше дело».

В.ПОЗНЕР: Перейдем к другой теме. Вы выросли как абсолютно советский человек, на селе...

М.ГОРБАЧЕВ: Больше того! Я считаю себя истинным продуктом Советского Союза.

В.ПОЗНЕР: Так вот – помните ли вы, в какой момент вы стали сомневаться, вдруг почувствовали, что в королевстве Датском, говоря по Шекспиру, что-то подгнило?

М.ГОРБАЧЕВ: Я думаю, что вы, задавая вопрос, знаете мой ответ: так не происходит. Будто сон приснился или очнулся от обморока. Не случается подобное в один момент. Ни с чем! Вспомните свою биографию... Я вам сейчас расскажу все-таки историю, которая прольет свет на многие вопросы. Я заканчиваю десятый класс, вступаю в партию. Отец и дед, один – фронтовик, другой – старый коммунист, поддерживают мое желание. Я активен, школу окончил с медалью (сочинение мое шесть лет еще хранили, показывали, как надо писать сочинения; и тема его удивительная: «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет»). И в то, о чем я писал в заявлении при вступлении в партию, и в то, что писал в сочинении, я верил. Это все было в послевоенное время. Мы, дети, связывали победы со Сталиным... И вот еду я учиться в Московский университет. Я послал сначала документы, долго ждал, потом пришел ответ: «Вы зачислены с общежитием». Даже не вызывали меня. Я ведь секретарь комсомольской организации, член райкома комсомола, орден в 17 лет получил. Просто, думаю, я им нужен был. Они мне, конечно, нужнее – я хотел в университет. Это же какое нахальство – решил попасть в университет из какого-то Привольного! Я тогда первый раз на поезде ехал. В таком мире жил – и сразу куда прорвался. Тем более им там, в Московском университете, всегда регулировали процент людей, ибо все могли только москвичи... Университет и Москва раздвинули мои горизонты, мои знания. При всем том университет – как его ни контролировали – был демократической организацией. Дискуссии, партийные собрания проходили всегда очень остро. И я видел, что попал туда, куда надо, и иду верной дорогой. И никогда у меня не возникало никаких сомнений, даже мыслей, о которых вы говорите, – до тех пор, пока я не ушел после университета на периферию и не стал работать в партийных органах, в политике. Я был молодым. И сразу оказался в атмосфере страны, пережившей двадцатый съезд. Я ездил в числе образованных людей, пропагандистов, разъяснять итоги съезда. И встречался там с неприятием: люди не принимали двадцатый съезд – они не верили, что Сталин это все делал...

В.ПОЗНЕР: А вы поверили?

М.ГОРБАЧЕВ: Я поверил. Наверное, здесь имело значение то, что дед мой, который вернулся с фронта с Первой мировой войны, принес всю эту ересь солдатскую и стал строить коммуны, потом ТОЗы, затем колхозы создавал. Старый коммунист. Дед этот в 1937 году был

арестован, приговорен к расстрелу. Но, пока его допрашивали, наступил 1938 год, и на февральско-мартовском Пленуме было решено все расстрельные дела согласовывать с прокуратурой края. Когда его дело поступило туда, помощник доложил, что вообще нет никакого преступления. И дед вернулся. Мне было уже почти девять лет.

В.ПОЗНЕР: Когда у вас возникла мысль, что надо что-то делать, реформировать?

М.ГОРБАЧЕВ: Вся история нашей страны прямо на глазах, в моей семье происходила. Мой дед по линии отца не пошел в колхоз, остался единоличником. 1933 год, голод. Из пяти-шести детей у деда умерли трое. А ему нечем выполнять план по посеву площадей, который устанавливается государством для единоличников. Он не выполняет, трое детей погибают от голода, его отправляют в Сибирь на заготовку леса. Вернулся досрочно, с грамотами, которые висели у него всю жизнь, он их показывал...

В.ПОЗНЕР: То есть Голодомор был не только на Украине?

М.ГОРБАЧЕВ: Да ну, что вы! Сорок процентов населения в Привольном вымерло. Вот это вам история... А тот дед, который освободился после ареста, рассказал все, что с ним было – допросы, пытки. Это ужасно. Тогда вся семья собралась за длинным крестьянским столом – все в слезах были, ревели. Но самое удивительное – это все остается, и это действует сильно, особенно когда от семьи такие корни идут. Дед сказал: «Сталин ничего не знал, это наши здесь все это делали – и выворачивали руки, и светом слепили, и на горячую плиту садили... Но я уверен, что Сталин об этом не знал».

В.ПОЗНЕР: Поэтому свои сочинения вы писали с чистой душой, да? «Сталин – наша слава боевая» и так далее.

М.ГОРБАЧЕВ: Да, абсолютно. Ничего это во мне не пробудило. И всю жизнь дед повторял: «Советская власть – это наша власть. Она дала нам землю». Обе семьи по линии отца и матери были бедняцкие, потом стали середняцкими. И вели дела неплохо, один дед председателем колхоза стал, а другой, по линии матери, возглавлял райзо – самый большой и важный орган по тем временам. Вот его за троцкизм и...

В.ПОЗНЕР: Но все-таки – когда зашевелились сомнения?

М.ГОРБАЧЕВ: Я думаю, что начал размышлять об этом после двадцатого съезда. Да еще после январского Пленума 1955 года вышло решение о Соцзаконности. И начались тогда все эти расследования...

В.ПОЗНЕР: Вы знакомы с французенкой Элен Каррер д'Анкос? Она постоянный секретарь французской академии, очень важная дама, специалист по России.

М.ГОРБАЧЕВ: Очень хорошо знаком.

В.ПОЗНЕР: По-моему, в 1988 году она написала книгу «Русское несчастье: от Владимира Красное Солнышко до Горбачева», в которой доказывала, что ни один русский реформатор не смог довести дело до конца. Вопрос: почему все-таки в России реформы, спущенные сверху, не удаются? Да и вы сами говорили: «Счастливых реформаторов не бывает».

М.ГОРБАЧЕВ: Самое интересное, что через какое-то время я сказал: «Все равно, наверное, я загнул о том, что счастливых реформаторов не бывает»... Ведь что это, как не счастливая судьба – что я оказался в центре событий, что от меня многое зависело в определенный отрезок истории нашей страны, и я мог вносить, реализовать себя, свои мысли, думы и так далее? Какой еще дар может быть свыше? А дальше уж от человека зависит. Что же касается России – у нее своя, очень сложная история. Почти трехсотлетнее татаро-монгольское иго – хотя сейчас уже доказывают, что оно и пользу какую-то принесло, наверное, дисциплина от них пошла, но и бюрократия... Однако потом-то ведь – крепостное право. А после крепостного – я перешагиваю – еще 70 лет крепостного права, и в эти времена я уже жил. Когда мне предложили остаться в аспирантуре на кафедре Колхозного права, я не остался...

В.ПОЗНЕР: Вы думаете, вся наша история повинна в том, что так тяжело проходят реформы в России?

М.ГОРБАЧЕВ: Нет, не история повинна. Это наша история, а мы – в ней, и мы должны пройти то, что другие проходили. Перепрыгивать нельзя – такие великие скачки нам знакомы, и в Китае, и у нас, и везде они привели к известным событиям. Это, кстати, и ответ на вопрос: что у нас с демократией? Все время мне его задают, и я говорю: «С демократией у нас происходит то, что и должно происходить».

В.ПОЗНЕР: Я читал ваши воспоминания о том, как в 1990 году во время демонстрации вы с Раисой Максимовной и внучкой Ксенией стояли на Мавзолее, а люди шли с очень оскорбительными для вас плакатами. Вы развернулись и ушли, и ваша внучка заплакала и спросила: «Дедуля, дедуля, за что?» Что вы сказали тогда ей маленькой, и что сказали бы сегодня ей взрослой, – за что?

М.ГОРБАЧЕВ: Это борьба. Политическая борьба... Если бы народ наш ощущал достаток, если бы он уже освоил и принял эти свободы и воспользовался ими, у него была бы другая реакция. А тогда только разворачивался 1990 год – впервые проходили свободные выборы, вся страна оказалась в очередях. И, естественно, кто виноват? Горбачев.

В.ПОЗНЕР: А что вы сказали бы сегодня телезрителю, который спрашивал: «Михаил Сергеевич, вам не совестно, не стыдно, что вы так бездарно провели свое время у власти?»

М.ГОРБАЧЕВ: Думаю, что я могу гордиться и буду гордиться тем, что я все-таки, в отличие от косыгинских и хрущевских реформ, реально повел страну в другую сторону. Ведь все, что мы делали, одобрялось на Политбюро, на Пленумах, на съездах Верховного Совета, все утверждалось. И впервые в истории это происходило открыто! И мне не стыдно, наоборот, я горжусь. Несмотря на то что произошло, мы через перестройку прошли путь и к политической свободе, и к демократическим институтам, и к свободным выборам впервые за тысячу лет и так далее, и так далее. То есть все было сделано для людей, в том смысле, что людям было предложено: «берите и делайте».

В.ПОЗНЕР: Скажите, пожалуйста, что вам нравится в сегодняшней России, если коротко, и что вам не нравится?

М.ГОРБАЧЕВ: Демократический процесс, несмотря на все трудности, продолжается. Но я думаю, что мы прошли в рамках демократического транзита не более половины пути.

В.ПОЗНЕР: Приведу вашу цитату: «Мы не сомневаемся, что демократия – это хорошо. Но сначала необходимо обеспечить фундаментальные потребности граждан. Если для этого нужен авторитаризм, я такой авторитаризм приветствую». Так и есть?

М.ГОРБАЧЕВ: Так и есть. Вспомните, Путин стал прибегать к очень авторитарным методам, чтобы остановить расползание республик. Требовалось всех собрать под знаменем Конституции – а ведь более пятидесяти наших губерний нарушали Конституцию, причем было много нарушений. Нужна была вертикаль для того, чтобы заставить всех слаженно работать, – когда, например, армия после всего пережитого начала создаваться и укрепляться, когда мы взялись поднимать свое образование, восстанавливать институты, и люди опять пошли учиться... Понадобилась некоторая жесткость, было не до того, чтобы читать учебники. Он спасал Россию от тех тенденций, заменяя их другими. В этом смысле главная заслуга президента в том, что он создал предпосылки для движения, для стабилизации страны...

В.ПОЗНЕР: Могли ли вы в свое время сделать то же самое?

М.ГОРБАЧЕВ: Ну, у меня другая задача была – вытащить страну из объятий тоталитарного строя и привести ее к свободе и демократии. И мы довели страну и общество до той точки, из которой обратного хода, что бы ни делали, уже не могло быть. А над остальным пусть другие работают.

В.ПОЗНЕР: Как вы относитесь к нынешнему положению со свободой слова и свободой печати? Вас что-нибудь беспокоит?

М.ГОРБАЧЕВ: Не хватает – я везде об этом говорю. Однако сравните мою позицию и позицию Александра Исаевича Солженицына. Он ведь часто повторял (до тех пор, пока я уже не выдержал и не дал ему ответ): «Все погубила горбачевская гласность». А знаете, что такое гласность? Это демократия.

В.ПОЗНЕР: А у вас какие были отношения с Солженицыным?

М.ГОРБАЧЕВ: Уважительные. Хотя он в политику входил, в которой не так уж умело плавал... А отвечая на его слова, скажу так: если бы не было гласности, у нас не состоялось бы движение по пути к демократии. Только гласность и открытость могли разбудить этот народ, дать ему возможность поверить в свои силы и начать говорить.

В.ПОЗНЕР: В конфликте вокруг Абхазии и Южной Осетии Россия права или не права?

М.ГОРБАЧЕВ: Я считаю, что в той обстановке, которая сложилась, Россия все сделала правильно.

В.ПОЗНЕР: Как вы относитесь к новому президенту США? Считаете ли вы, что с его приходом могут исправиться отношения России и Соединенных Штатов?

М.ГОРБАЧЕВ: Я думаю, ситуация для него особенная, непростая. Он должен понять, что Америка хочет перемен. Все видят это. Я думаю, его и не избрали бы, если бы в Америке были другие настроения. Три года назад я и Рейгану говорил, и публично выступал – по аудиоториям, причем каким? Десять – двенадцать тысяч человек. Меня спросили: «А что бы вы

нам пожелали, посоветовали бы нам?» Я ответил: «Знаете, вам нужна своя перестройка». Зал встал – все десять тысяч – и овацию устроил.

В.ПОЗНЕР: Вы работаете над книгой «Наедине с собой». Вы одинокий человек? Вы себя чувствуете одиноким?

М.ГОРБАЧЕВ: Не скажу так. И семья, и друзья есть.

В.ПОЗНЕР: Хорошо. Вы знаете, кто такой был Марсель Пруст? Известный французский писатель. У него есть замечательный вопросник, и я хотел бы задать вам некоторые вопросы от имени Марселя Пруста. Отвечать надо коротко и ясно... Когда и где вы были более всего счастливы?

М.ГОРБАЧЕВ: Когда я встретил Раису, откровенно говоря. Этот огонь и сейчас сохраняется у меня. Это самое большое событие после моего рождения.

В.ПОЗНЕР: Что вы считаете своим главным достижением?

М.ГОРБАЧЕВ: Все-таки перестройку.

В.ПОЗНЕР: О чем вы больше всего сожалеете?

М.ГОРБАЧЕВ: О том, что не удалось довести перестройку до конца.

В.ПОЗНЕР: Что вы считаете своей главной слабостью?

М.ГОРБАЧЕВ: Я все-таки демократ. И это во мне сидит, это внутреннее ощущение, а не просто болтовня – мол, я демократ. В ходе перестройки мое кредо было – без крови, с уважением к людям. Я не могу хамить людям.

В.ПОЗНЕР: Какое слово вы больше всего не любите? Есть такое?

М.ГОРБАЧЕВ: Да нет, все слова хорошие. Вопрос в том, когда их применять. Ведь даже послать дальше тоже можно уместно.

В.ПОЗНЕР: С какой исторической личностью вы себя больше всего отождествляете? Есть такая личность?

М.ГОРБАЧЕВ: Нет. У меня спрашивают: «Кто оказал на вас самое большое влияние?» Ну да, Плеханов, еще я защищаю Ленина – у меня есть на этот счет своя позиция, это великий человек... Но знаете, если говорить о том, кто оказал, то главное влияние на меня оказала все-таки русская литература.

В.ПОЗНЕР: А есть ли такой герой в русской литературе, который вам ближе всего?

М.ГОРБАЧЕВ: Много.

В.ПОЗНЕР: Каким человеческим качеством вы дорожите больше всего?

М.ГОРБАЧЕВ: Способностью оставаться всегда в контакте, иметь возможность обсуждать, доверять друг другу. Одним словом – дружбой. Я даже ставлю ее выше любви.

В.ПОЗНЕР: Каким представляется вам самое тяжелое горе?

М.ГОРБАЧЕВ: Наверное, это потеря близких. Когда я сейчас думаю, что все умерли – даже те, кто моложе меня, а я живу...

В.ПОЗНЕР: Когда-нибудь и с вами это произойдет, и вы окажетесь перед Господом Богом. Что вы ему скажете?

М.ГОРБАЧЕВ: Есть такой анекдот. Тэтчер, Колль и Буш летят на самолете. Самолет падает, они предстают перед Господом Богом. Он говорит: «Вам надо решить, куда кого направить». Буш говорит: «Как ты решишь, Господи, так и будет правильно. Во время войны меня сбили японцы, весь экипаж погиб, я остался жив. Я знаю, что это твоя воля, и я благодарю тебя за все, что ты мне дал». Колль: «У меня такая семья, мы верующие. И я благодарю тебя, Господи, что ты помог мне с Горбачевым и Бушем объединить Германию». Бог одного справа посадил, другого слева. Спрашивает: «Что скажешь ты, дочь моя, Маргарет?» Ответ госпожи Тэтчер: «Во-первых, я не твоя дочь. И, во-вторых, ты сидишь на моем месте». Я атеист. И потому воспользовался этим анекдотом, чтобы занять время, которое вы отвели на ответ.

В.ПОЗНЕР: Главным событием прошлой недели стал, безусловно, террористический акт в Мумбаи. О нем говорилось во всех СМИ – международных, российских, каких угодно. Но я заметил с некоторым огорчением, что определенная часть наших граждан отнеслась к произошедшему, как к чему-то, в общем, далекому от них – мол, это произошло там. Да, конечно, очень жалко этих людей, но нас это не очень-то касается – такой был высказан взгляд и людьми вполне интеллигентными, я бы даже сказал продвинутыми, либеральными, демократическими взглядов... И, размышляя над этим, я вспомнил слова моего любимого английского поэта Джона Дана. Он жил в первой четверти семнадцатого века, в молодости был повесой, драчуном, бегал за женщинами, пил, хулиганил и писал совершенно гениальные стихи. Потом он остепенился, ушел в религию, стал известным священником и начал писать проповеди и так называемые медитации. Так вот в семнадцатой медитации он сказал следующее: «Человек – не остров, сам по себе заверченный. Каждый человек – часть материка, часть суши. Если морем смоем комок, Европа становится меньше. Точно так же, как если бы смыло мыс. Точно так же, как если это случилось бы с домом твоего друга или твоим собственным домом. От смерти любого человека я убываю, потому что я – часть человечества. И поэтому никогда не посылаю узнавать, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».

1 декабря 2008 года

* * *

До этого интервью я встречался с Михаилом Сергеевичем лишь эпизодически. Наиболее яркий след оставила в моей памяти встреча, не имеющая никакого отношения к нашей беседе, но я тем не менее позволю себе некоторое отступление и расскажу о ней.

Это было в декабре 1988 года. Горбачев прилетел в Нью-Йорк, чтобы выступить на Генеральной Ассамблее ООН, а я, буквально только что ставший выездным, был включен в сопровождавшую его делегацию. Если мне не изменяет память, 5 декабря мне позвонили в номер гостиницы и сообщили: «Завтра в 17.00 Михаил Сергеевич приглашает вас на чашку чая». Сказать, что я обалдел (прошу извинить за не слишком литературное выражение), значит не сказать ничего. Лично меня приглашает президент страны?! Невероятно!

Правда, придя на следующий день в здание советской миссии, я быстро понял, что приглашен не отдельно, а вместе со всей делегацией. В фойе было людно. Среди собравшихся я увидел Шеварднадзе, Яковлева, Добрынина; все довольно активно общались, а я стоял в стороне – в этой компании я был белой вороной. Спустия какое-то время открылись двери зала и появились Горбачев с Раисой Максимовной. Они обошли всех, здороваясь за руку с каждым. Подойдя ко мне, Михаил Сергеевич широко улыбнулся и сказал, что рад видеть меня, а Раиса Максимовна поздоровалась, как мне показалось, довольно холодно.

– Что ж, товарищи, – предложил после обмена приветствиями Горбачев, – пойдёмте пить чай.

Огромный стол в зале стоял буквой «П», имеющей очень короткие «ножки» и длинную «крышу». Горбачевы и ближайшие советники сели за дальнюю короткую «ножку», все остальные разместились кто как. Я оказался рядом с послом Добрыниным, приблизительно в самой середине верхней части «П» – словно Христос на Тайной вечере. Когда все уселись, Горбачев сообщил, что завтра ему предстоит выступить с речью на Генеральной Ассамблее, и он хотел бы узнать мнение собравшихся о том, чего ждут от него американцы. И тут началось...

Раз за разом стали выступать известные всему Советскому Союзу журналисты-международники, эксперты и прочие со словами о том, что Америка покорена Горбачевым, что она лежит, как щенок, на спине, предвкусывая, что ей почешут животик... Я слушал и не верил своим ушам. Говорить я не решался – ведь это был мой первый опыт поездки в составе правительственной делегации, но терпеть это славословие было невыносимо противно. Неосознанно я заерзал на стуле, чем привлек внимание Добрынина.

– Хочешь выступить? – спросил он.

Я промямлил, что да, но не знаю, нужно ли...

– А для чего тебя пригласили? Говори, коли есть что сказать.

К этому времени уже выступило несколько человек. Я робко поднял руку, Горбачев ее заметил сразу:

– Пожалуйста, Владимир Владимирович.

Я почти дословно помню то, что сказал тогда:

– Михаил Сергеевич, я совсем недавно ездил с выступлениями по Соединённым Штатам, и могу утверждать, что отношение американцев к вам и к стране сильно изменилось к лучшему. Но не из-за того, что вы делали какие-то заявления или давали обещания, а из-за конкретных поступков: вы вывели наши войска из Афганистана, вы вернули Сахарова из горьковской ссылки в Москву, вы открыли ворота для эмиграции... Америка сейчас напоминает человека, который встает с кресла, но еще полностью не встал: стоит вам сделать что-то такое, что напечт о советском прошлом, как Америка вновь сядет и все будет по-старому. Ни о какой покоренной вами Америке и речи не идет...

Сказал и сел. Бурных аплодисментов не последовало, не было и желающих выступить. Горбачев подошел к двери зала, сказав, что чаепитие придется сократить, так как ему стало понятно: надо еще поработать над завтрашней речью. Все поднялись и начали выходить, Горбачев прощался с каждым. Когда подошла моя очередь, он проникновенно посмотрел мне в глаза и со значением произнес:

– Спасибо!

Я был счастлив. Не стал курить фимиами президенту в отличие от других, сказал правду – и получил благодарность.

После этого случая Горбачев не раз выезжал на различные международные конференции и встречи. А меня ни разу больше не включали ни в одну делегацию.

Интервью в программе «ПОЗНЕР» было моим первым сколько-нибудь подробным разговором с Горбачевым, и в течение всей программы я не мог отделаться от чувства, что беседую один на один с Историей.

Если оставить в стороне пока еще младенческий двадцать первый век и пристально взглянуть на двадцатый, то, на мой взгляд, есть еще лишь один человек, который так же сильно повлиял на мир, как Горбачев, – Владимир Ильич Ленин. Два человека, и оба русские...

Ни Сталин, ни Гитлер, ни Рузвельт, ни Мао Цзэдун, никто, кроме, быть может, Эйштейна, не оказал такого влияния на развитие мира.

Анатолий Чубайс **политик, государственный деятель**

В.ПОЗНЕР: Анатолий Борисович, у нас с вами есть нечто общее в биографии – и ваш отец, и мой страстно верили в коммунистические идеи. Ваш, насколько я знаю, преподавал марксизм-ленинизм, мой не преподавал, но оба были очень убежденные. Вера моего отца сильно повлияла на меня. Я долгое время тоже верил в эти идеи, в советский строй, был пропагандистом и выступал перед американцами, англичанами, французами в печати, по радио, на телевидении. Пока наконец не пришел к выводу: то, что я защищаю, – это, мягко говоря, неправда. А как это было у вас? Вы с самого начала, так сказать, будучи еще совсем юным, поняли, что ваш отец заблуждается? И как это произошло?

А.ЧУБАЙС: Действительно, отец был в полном смысле слова настоящим коммунистом. Причем если в 1940–1950-е годы это было явление обычное, то уже в 1970–1980-х – довольно редкое. Он искренне, по-настоящему верил в коммунизм – не потому, что так требовалось для карьеры. И в этом смысле, наверное, я был таким же. И я прошел такой, в общем, обычный для многих путь от твердого «искровца» куда-то в сторону Маркса, в сторону социализма с человеческим лицом. Дальше – Чехословакия, Еврокоммунизм, после чего пришло понимание того, что без частной собственности «человеческого лица» быть не может. В 1988 году я оказался на стажировке в Венгрии. И там был очень хороший состав участников семинара – настоящие ученые, западные, и наши. Я достаточно искренне рассказывал о том, как нужно, на мой взгляд, улучшить экономику социализма и что конкретно следует сделать в планировании, в прогнозировании, в показателях оценки деятельности, и так далее. И один человек, которого я хорошо помню, с явным скептицизмом слушал все это, а потом сказал: «А собственность-то где? Хозяин где?» И это было как раз толчком для меня, хотя вокруг этой темы мы ходили с моими друзьями, единомышленниками и раньше, да и позже много обсуждали.

В.ПОЗНЕР: А сколько лет вам было в 1988 году?

А.ЧУБАЙС: Тридцать три года.

В.ПОЗНЕР: Возраст Христа... Как вы относитесь к русской пословице «Лес рубят, щепки летят»?

А.ЧУБАЙС: Двойко. Хорошо известно, с чем обычно у нас ассоциируется эта пословица – со сталинскими временами, со всем тем, что было в массовом сознании, начиная с тридцатых годов, когда большие цели требовали больших жертв. Подумаешь, посадили миллион, два миллиона, пять миллионов, но зато страна двигалась к бурным успехам – это то восприятие, которое я не могу принять и с которым не найду компромисса ни в каком виде. Но мне претит и вот такое, простите, интеллигентское восприятие «слезинки ребенка» имени товарища Достоевского. Мол, компромисс – это всегда подлость, это всегда трусость, нужно делать все чисто, честно, абсолютно с начала до конца так, чтобы было все предельно корректно... А если хоть чуть-чуть на каком-то этапе где-то окажется не вполне, не до конца честно, значит, лучше не делать ничего. Точка. Сели и ничего не делаем. Это вторая крайность для меня или второе отношение к этому лозунгу.

В.ПОЗНЕР: Но все-таки в этой пословице речь идет, конечно, как мы все понимаем, не о лесе и не о щепках, а о людях. Достаточно вспомнить период коллективизации в России, когда в результате от голода умерло очень много людей, и не только на Украине. Это те самые щепки... Почему я вас спросил об этом? Владимир Поливанов (бывший в свое время председателем Госкомимущества) процитировал вас однажды в интервью газете или журналу «Промышленные ведомости»: «Чубайс заявил мне открытым текстом: “Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов – они не вписались в рынок. Не думайте об этом. Новые вырастут”». Мне интересно, он это не выдумал?

А.ЧУБАЙС: Это такая хорошо известная история, жертва которой – не я один. Эту фразу время от времени приписывают Гайдари, мне, Хакамаде. Ира даже судилась по этому поводу. И вы, подбирая цитаты к разговору, не смогли, я полагаю, найти моих слов на эту тему. Точно так же, как не найдете такой фразы у Гайдара, у Хакамады, у других моих товарищей. Это абсолютная, стопроцентная ложь господина Поливанова, сознательная и очень талантливая – в том смысле, что она широко разошлась, и значительная часть населения полностью убеждена в том, что проклятые либералы именно так и думают.

В.ПОЗНЕР: А почему вы не подали в суд?

А.ЧУБАЙС: Это же был 1994 год! Мы совершенно другие задачи решали тогда. И потом, на каждый такой роток пытаться накинуть платок – дело безнадежное.

В.ПОЗНЕР: Скажите, пожалуйста, не кажется ли вам, что создание рынка в России – почти такое же революционное дело, как создание социализма в царской России?

А.ЧУБАЙС: Нет. Вы сравниваете масштаб преобразований в стране в девяностые годы с масштабом преобразований в 1917 году. Я задавал себе этот же вопрос, пытаюсь что-то для себя понять, и пришел к выводу, что это неправда. Преобразования в 1917 году были существенно глубже, намного глубже. Помимо перехода от капитализма к социализму, там еще был, между прочим, переход к тотальному атеизму с уничтожением Бога вообще. А также переход ста пятидесяти миллионов крестьян из одного социального слоя в другой социальный строй, и еще три-четыре перехода такого же масштаба, которых нам, к счастью, не пришлось делать. Мы осуществили три перехода – очень простых. Первый – от плана к рынку. Вторым – от авторитаризма к демократии. И третий – от империи к национальному государству. Каждый из этих трех переходов очень болезненный. Кстати говоря, переход к рынку оказался наименее болезненным из этих трех. Но даже все три вместе по масштабам меньше того, что страна пережила в 1917 году.

В.ПОЗНЕР: А почему вы говорите, что переход к рынку оказался наименее болезненным? Многие сказали бы, что, наоборот, очень сильно от этого пострадали.

А.ЧУБАЙС: Это правда. И я не утверждаю, что он прошел безболезненно. Я говорю, что из этих трех переходов он оказался наименее болезненным. Потому что переход к национальному государству от империи аукнулся и продолжает нам откликаться Осетией и Абхазией, с боевыми действиями, с погибшими. В 2008 году он еще не завершен, мы пока все в нем, осознавая или не осознавая этого. Переход страны к демократии вообще далек от завершения, в отличие от перехода к рынку. Первое – сделано. Точка. Второе и третье еще не закончено.

В.ПОЗНЕР: Могла быть гражданская война в результате того перехода, о котором говорите вы?

А.ЧУБАЙС: Вполне. Более того, из всех сценариев гораздо менее реалистичный – сценарий без гражданской войны.

В.ПОЗНЕР: Чем вы объясняете то, что ее не было все-таки?

А.ЧУБАЙС: Это набор факторов – системных и совершенно личностных. Для меня абсолютно уникальным в этом смысле личностным фактором стал Борис Николаевич Ельцин. В этот исторический период в России появился человек, который одновременно и в той жизни, в старой, прошел все, видел все, и авторитетен для любого – бывшего секретаря обкома или бывшего директора завода, и в этой, совершенно новой жизни, в демократической, рыночной, тоже избран народом и авторитетен. Человек, связывающий эти два мира, помог стране уйти от сценария гражданской войны.

В.ПОЗНЕР: Но сценарий был. Так сказать, такая возможность допускалась?

А.ЧУБАЙС: Я считаю, что он не просто был. В ночь с третьего на четвертое октября 1993 года мы его, собственно, и прошли. Увидели в полный рост.

В.ПОЗНЕР: А как вам идея, будто исчезновение Советского Союза в результате событий в Беловежской Пуще – это желание Ельцина убрать Горбачева, который все-таки был президентом СССР. Без СССР нет Горбачева, и тогда Ельцин становится человеком номер один. Такие рассуждения существуют?

А.ЧУБАЙС: Они существуют, и это естественно. Странно, однако, подобные рассуждения слышать от людей, занимающих серьезные должности. В ответ им можно задать простой вопрос: а что же Горбачев? Почему он ситуацию не остановил, если уж мог это сделать? Совершенно ясно, что распад СССР – это геополитический процесс глобального масштаба. И при этом Ельцин мог любить или не любить Горбачева, могли быть Ельцин и Горбачев, или могло не быть их вовсе. Только после 21 августа 1991 года Советского Союза уже не стало. Вопрос не стоял, удастся его сохранить или не удастся? Вопрос был в том, удастся факт его отсутствия признать с кровью или без крови?

В.ПОЗНЕР: Чем вы объясните тогда такую странную вещь: опросы общественного мнения, проводимые различными службами, показывают, что до шестидесяти процентов граждан России сегодня ностальгируют по СССР?

А.ЧУБАЙС: А также по Брежневу Леониду Ильичу, по Иосифу Виссарионовичу Сталину как крупнейшей исторической фигуре среди лидеров нашего государства... У процесса есть совершенно неизбежные повторы, возвраты. Понятно, что в девяностые годы, когда все кипело и бурлило, когда каждый думал про то, как прожить, как семью накормить, было не до воспоминаний. Как только ситуация устаканилась и успокоилась и самые насущные острые вопросы отошли на второй план, тогда и вспомнилось, как хорошо было в молодости.

В.ПОЗНЕР: На одном дне рождения я встретил мальчика тринадцати лет. Его мама спросила: «Скажи, пожалуйста, кто был Сталин?» Он ответил: «Я не знаю». Насколько я могу судить, современные школьные учебники не сильно убеждают наших молодых людей в том, что Сталин являлся крупнейшей исторической фигурой, но, в общем, одновременно и преступной. Что происходит, на ваш взгляд? Это тоже ностальгия?

А.ЧУБАЙС: Происходит катастрофа. Я не могу понять, как человек, который уничтожил в своей стране граждан больше, чем Гитлер, может быть предметом дискуссии. Я не могу понять, как всерьез можно обсуждать, годится ли Сталин для проекта «Имя России» или нет. У меня просто не укладывается это в голове, это за пределами моего понимания. Есть вещи, которые я не в состоянии объяснить на человеческом языке.

В.ПОЗНЕР: Несколько лет тому назад в программе Владимира Соловьева «К барьеру», где вашим противником был Рогозин, вы сказали, что многие мечтают вас посадить, в том числе и спецслужбы. Скажите, почему и кто мечтал вас посадить? И изменилось ли что-то сегодня?

А.ЧУБАЙС: Это такая, личностная история... В моей жизни был период, когда я являлся врагом номер один для коммунистов, в какое-то время я был врагом номер один для всех спецслужб страны вместе взятых, начиная с ФСБ и кончая Службой охраны президента...

В.ПОЗНЕР: Потому что вы как-то сказали, что руководители спецслужб сделали это дело делом своей жизни вообще – так?

А.ЧУБАЙС: Безусловно. Бывший руководитель спецслужб Коржаков может сказать вам, что думает про Чубайса и что он писал Ельцину в служебной записке с предложением немедленно арестовать Чубайса. Это же не частное лицо, а официальное. Мне кажется, это факт.

В.ПОЗНЕР: Это вызвано личными отношениями или глубокими идеологическими разногласиями?

А.ЧУБАЙС: Нет, конечно, что-то личное накладывается, хотя к тому же Коржакову я личной ненависти не испытывал. Он, в общем, нормальный мужик, по-своему заслуживающий даже позитивного отношения. Однако это не означает, что он обо мне думает так же... Кроме того, в течение значительной части девяностых годов для многих лидеров спецслужб рынок был вражеским явлением. Рыночная экономика была происками империализма, и они боролись с этим так, как умели, как считали нужным.

В.ПОЗНЕР: Продолжая эту тему – на съезде СПС, говоря о Борисе Немцове, вы сказали следующее: «Мы с ним прошли через такие боевые истории, когда, без преувеличения, либо тюрьма, либо смерть». Оба вы, к счастью, живы, и не в тюрьме. Но что это были за истории?

А.ЧУБАЙС: Большая часть их известна и не является каким-то секретом. Если уж вспоминать про такие истории, боевые, я хорошо помню уже упомянутое 3 октября 1993 года. Правда, тогда Боря находился в Нижнем Новгороде, а я приехал в воскресенье на работу, мы встретились с Егором Гайдаром, сели вдвоем и просто прописали сценарии развития событий на ближайшие двадцать четыре часа. По одному сценарию Белый дом к утру оказывался в руках законной власти. По другому – мы в лучшем случае были арестованы, а в худшем, естественно, расстреляны при попытке ареста. Из этих реалий мы исходили и в соответствии с ними дальше действовали.

В.ПОЗНЕР: Да, ваше правительство молодых реформаторов называли «правительством камикадзе». А все-таки как, вернее, почему удалось выжить?

А.ЧУБАЙС: Выжить правительству удалось не совсем. Во главе с Егором Гайдаром в декабре 1992 года оно было отправлено в отставку. Меня же, образно говоря, оставили прикрывать рубежи – как рота прикрывает их вслед за отступающим полком... Знаете, я часто задавался таким же вопросом, правда, не в отношении Гайдара или Немцова, а применительно, например, к Черномырдину Виктору Степановичу. Крепкий хозяйственник, которого уж точно не назовешь чикагским либералом и монетаристом. Однако если дело доходило до настоящих боевых решений, определяющих судьбу страны на ближайший месяц, когда она действительно на ниточке висела – такие ситуации я помню очень хорошо, в красках, – во всех этих случаях Черномырдин принимал решения единственно возможные – монетаристские, либеральные, спасавшие страну. При этом я, как один из членов правительства, мог быть в меньшинстве, а абсолютное большинство было против. Вы думаете, я просто хорошо его убеждал, красочно? Нет, конечно! Просто когда ты бьешься не за деньги для своего министерства, или своего региона, или своего предприятия, а за страну отвечаешь, то голова меняется. И это я десятки раз наблюдал даже у самых, казалось бы, консервативных, отъявленных борцов за всеобщие социалистические блага.

В.ПОЗНЕР: Когда Егор Гайдар предложил вам возглавить приватизационное ведомство, заниматься приватизацией, вы сказали: «Ты понимаешь, что независимо от результата, меня будут ненавидеть всю оставшуюся жизнь, потому что я буду человеком, который продал Россию и продал неправильно?» У меня только один вопрос: почему вы согласились пойти на это?

А.ЧУБАЙС: Потому что это правильно. Потому что не может быть страны без хозяина, без частной собственности. Не может быть. Точка.

В.ПОЗНЕР: 3 декабря 2007 года в день выборов в Государственную Думу, уже к концу дня вы на брифинге сказали следующее: «Количественные победы «Единой России» одновременно являются моральным поражением «Единой России». Закон загнивания монополий действует и в экономике, и в политике. И это главный риск «Единой России», а значит, и главный риск страны». Это сказано в пылу борьбы, в последний день... А сейчас вы повторили бы эти слова?

А.ЧУБАЙС: Безусловно. Политическая монополия самоубийственна для самой этой монополии.

В.ПОЗНЕР: СПС – «Союза правых сил» – больше нет. Почему? Чем вы объясняете провал этой некогда популярной партии? А также «Яблока»... «Яблоко», впрочем, не ваше, но все равно либеральная партия. Виртуально, может быть, одна существует, а другой нет вообще.

А.ЧУБАЙС: Мы потеряли своего избирателя. Причем даже там, где, казалось бы, он должен был быть нашим. Малый бизнес, средний бизнес – к сожалению, даже они не стали нашими избирателями на последних выборах. И именно это подвигло всех нас перелистнуть страницу. К сожалению, требовалось создавать новое.

В.ПОЗНЕР: Я вас знаю не близко, но давно. И не я один считаю вас очень умным человеком. Прочитую: «Живем в России и будем жить здесь, в своей стране. У нас прочный фундамент и главное – уверенность, что мы движемся в правильном направлении. Мы строим, мы создаем новый запас прочности, нас миллионы, кто умеет работать, кто верит и знает: Россия – великая страна и у нее великое будущее». Как вам этот текст?

А.ЧУБАЙС: Разве плохой текст?

В.ПОЗНЕР: Очень хороший. Но где был произнесен? Частный самолет, белые кожаные кресла... К кому вы обращались? Увидев это, я сказал: все, конец. Кто, кто это придумал? Как может быть такое?

А.ЧУБАЙС: Что я могу сказать? Еще до того, не зная о вашем вопросе, я признался: это ошибка. Безусловно, ошибка. Я могу объяснить, почему она возникла, могу сказать, в какой именно момент и с чем была связана. Причем это оказалось мегаошибкой, ведь из-за нее развернулась вся избирательная кампания. А это избирательная кампания не 2007 года, а 2003-го. Так сложилось, что вся избирательная кампания 2003 года строилась вокруг одной темы – «Олигархи. Защитники олигархов. Противники олигархов». И мы с этим самолетом попали точно туда, куда попадать было нельзя. Абсолютная катастрофа.

В.ПОЗНЕР: Вот уж действительно... Как вы относитесь к новой партии – «Правое дело»? Один человек сказал так: «Не бывает у партии трех сопредседателей. У каждой партии есть лидеры. У ЛДПР – это Жириновский, которого знает вся страна. У КПРФ – это Зюганов, его тоже знает вся страна. Не партия это, когда у нее три председателя». Что думаете?

А.ЧУБАЙС: Да нет, это аргумент слабый. Как раз это, мне кажется, далеко не главный из наших рисков. Даже в истории нашей партии «Союз правых сил» и предшествовавшей ей – «Демвыбор России» – были этапы, когда во главе стояли три сопредседателя. Между прочим, в 1999 году после дефолта, после катастрофы, когда эти «проклятые либералы» развалили все, что могли, мы с партией с тремя сопредседателями победили и набрали больше восьми процентов. Нет, это детский разговор. Есть гораздо более фундаментальные вопросы, определяющие, будет у партии результат или не будет. Сегодня же главный риск партии очень простой – не состояться. Соединились три партии, появилось три сопредседателя, прошел съезд, подписаны учредительные документы, утверждена программа, однако это еще не значит, что партия состоялась. Всего лишь пройдены обязательные юридические процедуры. А чтобы состояться, партии нужно еще очень многое сделать. И пока еще это впереди.

В.ПОЗНЕР: Один человек назвал вас «счастливым интеллигентом с ощущением миссии в командировке в большую политику». Теперь, когда нет «Союза правых сил», командировка кончилась?

А.ЧУБАЙС: Откровенно отвечая на этот вопрос, скажу: я в действительности почти всю свою жизнь прилагаю усилия к тому, чтобы не быть политиком. Это не мое. Понимаю, что большинство людей отнесутся с недоверием к моим словам. Тем не менее это так. Еще в конце восьмидесятых годов, когда избирали депутатов во всесоюзный и российский парламент, я, естественно, помогал – это была наша команда, которая выдвигала людей. Многие предлагали: «Давай и ты выдвинешься – будешь депутатом». Но я не желал этого. Мне этот вид активности не близок. Мало того, оказавшись в администрации президента во время болезни Бориса Николаевича, я категорически не хотел туда переходить – это не моя работа. И когда у меня появилась возможность с должности руководителя администрации президента перейти в правительство, на конкретную экономическую задачу (что формально, в бюрократическом смысле было понижением), я с радостью это сделал. А из правительства ушел в РАО ЕЭС с еще большим удовольствием. Политика – это не мое, к ней у меня душа не лежит.

В.ПОЗНЕР: Как-то в беседе о реформах вы сказали, что они нужны, но что они остановились в стране. Дальше ваши слова: «Пенсионная реформа умерла. Реформа ЖКХ даже не родилась. Здравоохранение, образование...» Скажите, вам не хотелось бы заняться чем-нибудь из этого списка? ЖКХ, например? Или вам не предлагали подобного никогда?

А.ЧУБАЙС: Хотелось бы. Мало того, я как раз думал, что мне придется заниматься ЖКХ после РАО ЕЭС. Раскрываю тайну, о которой не говорил публично: я планировал заниматься именно ЖКХ и такой вариант предлагал. Но в итоге сложилось по-другому.

В.ПОЗНЕР: То есть вы предлагались, и вам сказали «Спасибо, не надо»?

А.ЧУБАЙС: На самом деле, если быть до конца честным, мне сказали, что в принципе это возможно. Но предложили и другое: «Слушай, а вот есть такая идея. Что ты думаешь о ней? Можешь быстро дать ответ?» Я подумал секунд десять и сказал: «Да».

В.ПОЗНЕР: Нанотехнологиям?

А.ЧУБАЙС: Да.

В.ПОЗНЕР: Жалко мне немножко. Я, конечно, с большим уважением отношусь к нанотехнологиям, но ЖКХ, мне кажется, – это такая необходимая вещь для всех.

А.ЧУБАЙС: Согласен. Но в этом смысле я чист перед всеми. Я действительно хотел им заниматься, понимая, что это не самая сладкая история.

В.ПОЗНЕР: Вы богатый человек?

А.ЧУБАЙС: По современным меркам, конечно, не сравнюсь ни с олигархами, ни со средним бизнесом, но уж точно не бедный.

В.ПОЗНЕР: Оксана Дмитриева, депутат Госдумы, как-то выступила по вашему поводу: «После реформирования РАО ЕЭС Анатолий Чубайс получил 27 миллионов долларов премии, а члены правления – по 11 миллионов. Между прочим, с этих денег единый социальный налог для стариков не взимается. Если со всех этих гонораров собрать 20 процентов, можно профинансировать какую-нибудь социальную программу, на которую нам вечно денег не хватает. А Чубайс, думаю, не обеднеет, если он вместо 27 миллионов получит 20 на руки».

А.ЧУБАЙС: Ну, Оксана – человек умный, как известно. Правда, у нее есть другие свойства, из-за которых в 1979 году я ее исключил из нашей группы – за вещи, которые не прощаются... Именно поэтому Оксана очень умело чуть-чуть подтасовала факты и из картины абсолютно объективной сделала картину абсолютно лживую. Объективная картина простая. За пять лет до закрытия РАО ЕЭС мы – я имею в виду менеджмент РАО ЕЭС – предложили акционерам одну программу. Мы попросили членов Совета директоров РАО ЕЭС, котирующегося на рынке акций, дать нам возможность купить эти акции по нынешней цене, по той, которая тогда на рынке существовала. Ни премий, ни дисконта, ни скидок, ничего. Единственная поддержка состояла в том, что нам выделили кредит на покупку этих акций. Программа касалась всего менеджмента РАО ЕЭС – в ней участвовали порядка девятисот человек. Опционная программа менеджмента, как хорошо знают бизнесмены, – это классика. Смысл простой: мы покупаем существующие акции по существующей цене, и если они вырастают в цене, то

прибыль, естественно, становится нашей. А если не вырастают, то, значит, мы плохо работаем – так мы сказали акционерам. Поскольку это классическая программа, не нами придуманная, которую, кстати, после нас реализовывали десятки российских компаний, нам это было разрешено. Когда мы их покупали, многие мои товарищи в правлении РАО ЕЭС говорили: «Слушай, это безнадежное дело! Как ты поднимешь курс акций?» И даже очень серьезные бизнесмены не приняли участия в программе исправления РАО ЕЭС, а я и другие пошли на это. Оказалось, что за эти четыре года – а мы по условиям опциона не могли забирать акции до завершения реформы, то есть до закрытия РАО ЕЭС – курс акций вырос в двенадцать раз. Причем существенно быстрее, чем рынок. Оказалось, что пакет акций, которые в итоге мы приобретали, стоил двадцать миллионов – не двадцать семь, конечно. И из этих двадцати мы должны были вернуть деньги за кредит.

А вторая правда состоит в том, что, к сожалению, как и у всех остальных акций, курс наших обрушился, и мы потеряли так же, как все остальные. Хотя в итоге та сумма все равно – для меня по крайней мере – была более чем существенна. Так что я могу Оксану успокоить: «Все нормально, Оксаночка, все замечательно. Налоги уплачены. Все хорошо».

В.ПОЗНЕР: В газете «Financial Times» вы давали интервью и сказали любопытную вещь: «Сейчас нам не нужна революция, нам не нужна радикальная, быстрая либерализация, демократизация, полная свобода и полная демократия, начиная со следующего понедельника...» А когда она нужна, демократия? С какого дня недели, если не с понедельника? Или если не нужна, то почему?

А.ЧУБАЙС: Потому что это слишком серьезно. И потому что это слишком большая ценность, от которой зависит судьба страны. Мы уже говорили с вами о том, что переход от плана к рынку страна прошла не безболезненно. А переход от тоталитаризма к демократии страна не прошла. И по сложности, по глубине захвата основ народной жизни эта задачка посложнее будет. Именно поэтому нельзя решать ее так: «А давайте мы с завтрашнего дня по-настоящему либерализуем все что можно в политике, всерьез, без дураков. И вот тогда у нас будет полное счастье и свобода». Не будет! Особенно сейчас, на фоне кризиса, который разворачивается. Можно себе представить, что такое настоящая политическая либерализация на фоне кризиса. Повторю: не надо из этого делать вывод, будто Чубайс стал врагом демократии. Я просто серьезнее стал к этой теме относиться. Это вектор. Это стратегия. Но не та задачка, которая может быть решена за неделю или за полгода.

В.ПОЗНЕР: Скажите, покушение, которое на вас совершено – Квачков и прочее, – что это было? Что за странная разовая акция, вроде бы совершенно неорганизованная? И что вы подумали, когда это все произошло?

А.ЧУБАЙС: Мне как раз это не кажется странным. Люди, участвовавшие в покушении, глубоко убеждены в том, что я уничтожил, ну или разрушил, страну, обокрал десятки миллионов граждан. И они уверены, будто я являюсь агентом Запада. Да что там я? Для них правительство Российской Федерации – «оккупационное правительство». В этом смысле понятно отношение ко мне. А поскольку эти люди не являются публичными демократами, политиками (они по профессии вообще десантники, умеют проводить десантные спецоперации, понимают, где нужно заложить взрывчатку, как поставить автоматчиков и каким калибром обстреливать машину), они делают то, что умеют. Мне кажется, это совершенно естественно. Правда, вышло как-то не очень умело. Так и хочется сказать: ребята, хоть это-то вы уж должны были...

В.ПОЗНЕР: А что вы почувствовали в тот момент? Вы помните свою реакцию?

А.ЧУБАЙС: Да, конечно, помню. Такие реакции не забываются... Я все понял гораздо позже, чем мой товарищ, помощник, находившийся в машине. Он бывал под обстрелом, а я под ним находился впервые. Он сказал: «Автоматы». Мне показалось, что это совершенно невозможно. Какие автоматные очереди? Как это? Мы едем по подмосковной дороге! Он сказал: «Уходим, гоним!» Я ответил: «Уходим, но не гоним. У нас, наверное, шины пробиты». Но я не был таким взвешенным, как кажется, я просто не до конца понимал ситуацию. А потом – у нас машина бронированная, а сзади – вторая машина, с ребятами, небронированная. Обстрел продолжался, и мы минут десять пытались дозвониться и просто понять, живы они или нет? В этом смысле это была история непростая...

В.ПОЗНЕР: Вот еще вопрос, волнующий народ: куда же денежки от приватизации пошли? Где деньги, Зин?

А.ЧУБАЙС: Можно давать ответ и даже в цифрах рассказывать о том, что акции, приобретенные на ваучеры, полгода назад стоили по большинству видов активов 18–20 тысяч долларов, и так далее. Но это же не о цифрах вопрос. Вопрос об одном: где справедливость? Приватизация была несправедлива, говорят мне. И это чистая правда. Приватизация таковой и была, к большому сожалению. Почему? Потому что приватизация – это переход собственности из государственного владения в частное по законодательству, которое, во-первых, должно быть и, во-вторых, должно иметь за плечами государство, обеспечивающее исполнение этого законодательства. У нас этого не было. Не было такого государства в 1992, 1993, 1994 годах. Никто не знал, что это такое, – ни вышеупомянутые силовые структуры, которые с этим боролись, ни суды, для которых это была какая-то марсианская грамота. Обеспечить по-настоящему законную и, следовательно, справедливую передачу собственности страна не могла. Кто за это отвечает? Я. К сожалению, это нужно признать. А теперь зададим следующий вопрос: можно ли было сделать лучше? Наверное, можно, есть ошибки, которые я уже сам вижу, я о них говорил – те же самые чековые инвестиционные фонды. Но это тактика. А можно ли было вообще сделать справедливо, честно, красиво? Ответ: нет. Так сделать было нельзя. Именно поэтому я и сказал Гайдару то, что вы процитировали в начале разговора.

В.ПОЗНЕР: То есть вы олицетворяете собой несправедливость?

А.ЧУБАЙС: Да. И поступок господина Квачкова напрямую связан с этим. Я уже сказал, что логика действий тех людей совершенно объяснима. Они говорили на суде: «Мы не виновны. Но мы не виновны не потому, что не хотели убить Чубайса, а потому, что убить Чубайса – долг и честь каждого гражданина нашей страны». Это их позиция. Она вырастает из тех же самых корней, но это правда, так оно и есть. Так сложилась моя жизнь, если хотите.

В.ПОЗНЕР: Как вам с этим живется?

А.ЧУБАЙС: По-разному.

В.ПОЗНЕР: Еще вопрос: какая часть денег, выделенных на нанотехнологии, дойдет до реальных физиков, которые этими нанотехнологиями будут заниматься?

А.ЧУБАЙС: Во-первых, с деньгами у нас все в порядке. Пока еще, скорее, нас можно критиковать за то, что мы их медленно расходует, а не за то, что мы их не туда направили. Но если говорить всерьез, то те проекты, которые уже есть в компании, и те проекты, которые в ближайшее время будут рассматриваться, направлены не на то, чтобы дать денег физикам, их цель – помочь физикам преобразовать результаты их научного труда в реальное производ-

ство, в реальный бизнес. Например, у нас есть совместный с НПО «Сатурн» в Рыбинске проект – наноструктурированное покрытие для жаропрочных инструментов. Это как раз то, что позволяет самую современную технологию, кстати, разработанную в Курчатовском институте, перевести из лаборатории ученых, физиков в цех, на завод, на производство.

В.ПОЗНЕР: Есть у нас корреспондент, регулярно заходящий на сайт, – Егор Синебок. Он пишет: «В августе 1998 года во время кризиса вы сказали, что в условиях кризиса власти обязаны лгать, чтобы не допустить паники. Когда еще вам приходилось говорить неправду в государственных интересах?» Я от себя добавлю: «Вы и сейчас так считаете?»

А.ЧУБАЙС: Это тоже из серии чуть-чуть смещенных приоритетов, хотя основу для вопроса я очень хорошо помню, и даже помню, что я тогда говорил. А если хотите, то могу ответить на вопрос наглядным примером... Вот вы, представим, являетесь вице-премьером российского правительства. 1994 год. В стране период расцвета финансовых пирамид, всяких «МММ», «Дом Селенга» и так далее. Вы профессионал. Вы собираете данные и понимаете, что все они через три месяца, через полгода, через год точно разорятся, что это жулики, они воруют деньги. При этом количество вкладчиков у каждой из этих структур от четырехсот тысяч до трех миллионов. По всей стране. Первые ваши действия – собрать силовиков, поставить задачу: «Дело взрывное. Последствия катастрофические. Немедленно нужно приступить к реальной работе по вскрытию тех преступлений, которые менеджментом этих компаний осуществляются». Силовики в одно ухо впустили, в другое выпустили. Дальнейшие действия? Из вашего вопроса следует – сказать правду... Я помню, как совершенно искренне один молодой член правительства порывался выйти к телевизионным камерам и сказать: «Люди, послушайте, вас же обманывают! Не делайте этого, не несите туда свои деньги, которых у вас и так-то немного осталось». Но надо соображать, что вслед за этим происходит. Все разыгрывается как по нотам: сразу же после выхода в эфир сотни тысяч людей бросаются к приемным пунктам этих уважаемых компаний. Ты понимаешь, что они не в состоянии вернуть свои деньги, даже если захотят. Но при этом получаешь давку, драки, избитых, не дай бог, раздавленную бабушку – и в полном объеме ответственность за все, что произошло. Так вот – сказать правду в такой ситуации или не сказать?

В.ПОЗНЕР: Понимаю... Перейдем к моему любимому Марселю Прусту и к его опроснику. Чего вы боитесь больше всего?

А.ЧУБАЙС: Действий, которые сам для себя буду считать позорными.

В.ПОЗНЕР: Кого из ныне живущих в мире вы уважаете более всего? Есть ли такая личность?

А.ЧУБАЙС: Я говорил уже, что с уважением отношусь к Егору Гайдару. Есть люди за пределами России, к которым я тоже отношусь с уважением.

В.ПОЗНЕР: Кого из ныне живущих вы более всего презираете? Не обязательно в России.

А.ЧУБАЙС: Презрение для меня связано прежде всего с предательством. Да, такие люди есть, у нас в команде таких было двое...

В.ПОЗНЕР: Что вы считаете своим главным достижением?

А.ЧУБАЙС: Частную собственность в России.

В.ПОЗНЕР: Какой литературный герой вам ближе всего?

А.ЧУБАЙС: Я не делаю из литературных героев образцов для подражания.

В.ПОЗНЕР: О чем больше всего сожалеете?

А.ЧУБАЙС: О тех ошибках, которые были сделаны и которых мы могли избежать.

В.ПОЗНЕР: Что вы считаете своей главной слабостью?

А.ЧУБАЙС: Недостаточная обратная связь.

В.ПОЗНЕР: Если бы вы могли пообщаться с любым человеком, который когда-либо жил на свете, кто бы это был?

А.ЧУБАЙС: Шукшин.

В.ПОЗНЕР: Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вечную молодость без всяких условий, – приняли бы?

А.ЧУБАЙС: В чем-то должна быть наколка (*смеется*).

В.ПОЗНЕР: Последнее. Вы оказались перед Господом Богом. Что вы ему скажете?

А.ЧУБАЙС: Я не воинствующий атеист.

В.ПОЗНЕР: Государственная Дума приняла в первом чтении проект поправок к актам, имеющим отношение к борьбе с терроризмом, к противодействию террору. И там идет речь о том, в частности, чтобы суд присяжных не принимал участия в таких делах. То есть, когда речь идет о террористах, присяжные участвовать не должны. Также это касается дел о массовых беспорядках, захвате заложников, об организации незаконных вооруженных формирований, о шпионаже, о предательстве...

Автором этих поправок является Владимир Абдуалиевич Васильев, глава думского Комитета по безопасности. Он привел два аргумента в защиту своей позиции. Во-первых, у нас есть такие республики, где до 80 % населения связано семейными, тейповыми и прочими узами, и по традиции им запрещено действовать против родственников, нельзя осуждать их. Поэтому присяжные в этих республиках оправдывают, скажем, террористов или дают им очень несерьезные сроки. Во-вторых, террористы знают в лицо этих присяжных, и присяжные их боятся... Я хорошо знаю Владимира Абдуалиевича, он всегда казался мне человеком взвешенным, умным, порядочным, честным. И я надеюсь, что он, а может быть, и не только он, услышит, что я хочу в связи с этим сказать. В тех республиках, о которых он ведет речь, этими путами «обвязаны» не только присяжные, а и судьи, и прокуроры. Значит, возможно, такого рода процессы следует переносить в другие места, где другие судьи, другие присяжные, другие прокуроры – тогда исчезнет и проблема.

А вот все остальное вовсе не обязательно имеет отношение к терроризму. Измена Родине, шпионаж – при чем тут терроризм? Но почему-то и здесь он считает нужным убрать присяжных...

Я скажу так: если развитие демократии и гражданского общества в России остается приоритетным делом, то нужно не ограничивать суд присяжных, а расширять. И следовало бы

добиться того, чтобы при принятии обвинительного вердикта обязательно голосовали все двенадцать человек, а не семь, как сегодня у нас. С моей точки зрения, этот законопроект, преднамеренно или нет, – антидемократичный по своей сути. Скорее всего он вызван недовольством от того, что присяжные более справедливы и менее податливы, чем иные судьи. Вот такая история.

8 декабря 2008 года

* * *

В отличие от подавляющего большинства граждан России, я отношусь к Анатолию Чубайсу с симпатией и благодарностью. Интервью с ним произвело на меня сильное впечатление. Сильнее всего в памяти запечатлелась та его часть, в которой он отреагировал на мои слова о том, что он стал для народа самым ненавистным человеком. Я спросил его:

– Как вам с этим живется?

И навсегда запомнил выражение его глаз и звучание его голоса, когда он ответил:

– По-разному.

В этом ответе было столько горечи, столько безысходности! И он не только сохранился в моей памяти, но дополнил самым серьезным образом мое отношение к Чубайсу, мое понимание того, кто он есть.

Вернувшись к этому интервью пять лет спустя, я был поражен, насколько Анатолий Борисович точно чувствовал тогда ситуацию в России и предвидел ее развитие.

Вот лишь несколько примеров.

О новой партии «Правое дело» он сказал: главный ее риск заключается в том, что она может не состояться. И она не состоялась.

Насчет партии «Единая Россия» он заметил, что ее победа на выборах на самом деле является ее моральным поражением, политическая монополия убийственна для самой монополии. Разве не так? Не будем кривить душой – разве «Единая Россия», не допуская реальной политической конкуренции, не тормозит развитие России? Можно ли сказать, положила руку на сердце, что у нее высокий моральный авторитет в стране? Что крайне низкая оценка деятельности Государственной Думы, которая подтверждается множеством опросов общественного мнения, не есть результат монополии «Единой России»?

Он был абсолютно точен в рассуждениях о том, что переход от тоталитарного общества к демократическому в России не завершен, и невозможно сделать это за неделю. А я добавил бы: нельзя и за год, и за десять лет, и за двадцать. Да, прав Чубайс, это вектор, это стратегия, но не прав, когда на мой вопрос, является ли он демократом, не задумываясь ответил: «Да!»

В 1989 году я брал интервью у находившегося в опале на посту заместителя начальника Госстроя СССР Бориса Николаевича Ельцина. В ответ на мой вопрос, является ли он демократом, он сказал:

– Нет, конечно. Вы же знаете, в какой стране я родился и вырос. В какой партии я состоял. Как я могу быть демократом? Может быть, общаясь с демократами, я им стану, но пока я не демократ.

Точный, честный и умный ответ. Но разве Анатолий Борисович родился и вырос в другой стране? Разве он не продукт советской системы? А если продукт, то как он может быть демократом? Ведь демократия – это не изложенный на бумаге закон, принятый парламентом, хотя это важная компонента. Демократия – это образ поведения, мышления, понимания своего места в обществе. Это процесс, которому для осуществления требуются поколения, иногда века. Великая хартия вольностей, навязанная английскими баронами королю

Джонсу I в 1215 году (!), не превратила Англию в страну демократии в одночасье. Декларация независимости США, принятая в 1776 году и гласящая: «Мы считаем эти истины самоочевидными: что все люди рождены равными, что человек наделен своим создателем некоторыми неотъемлемыми правами, среди которых право на жизнь, на свободу и на добывание счастья», не превратила Соединенные Штаты вмиг в демократическое государство. Лозунг Французской революции 1789 года «Свобода! Равенство! Братство!» тоже не стал волшебной палочкой, со взмахом которой Франция обрела демократию. Потребовался процесс, главным элементом которого было изменение менталитета и отмирание того, что предшествовало.

Нет, не демократ Анатолий Борисович Чубайс. Никто из тех, кто родился и вырос в советском обществе, никто, повторяю, не является демократом – не потому, что не хочет (хотя таких множество), а потому, что ему это не дано. А поскольку Россия управляется именно такими людьми (иначе и быть не может), она остается советской и совершенно не демократической страной. Для меня очевидно: главная причина всех проблем России сегодня заключается именно в том, что само общество ново, а управляют им люди из прошлого. Прошлого общества нет, а люди прошлого остались. В этом – несоответствие, противоречие, которое исчезнет только тогда, когда завершится смена не одного, а двух или трех поколений. И лишь тогда у России появится шанс стать демократией.

Среди трех главных задач, стоящих перед страной, Чубайс назвал переход к рынку, переход от тоталитарного общества к демократическому и переход от империи к национальному государству. Проще всего был переход к рынку, который можно считать принципиально завершенным, о переходе к демократии уже сказано, но самая тяжелая задача – расставание с империей.

Есть в медицине такое понятие, как «фантомные боли», когда человек потерял руку или ногу, но они продолжают «болеть». То же происходит с метрополией, когда она теряет свои колонии. Так было с Испанией и Португалией, с Францией, с Англией. И так происходит с Россией, которая не только в лице государства, не только в лице Церкви, но и в лице самих русских (и это самое тяжелое обстоятельство) не может примириться с потерей бывших республик Средней Азии, Закавказья, Прибалтики и особенно Украины и Белоруссии. Мне кажется очевидным, что осложнение отношений между Россией и бывшими частями империи (царской ли, советской ли) – республиками СССР – в значительной степени объясняется фантомными болями, имперским похмельем. Корни бурно растущих ксенофобии и расизма питаются из этой почвы.

Когда-то брат Самуила Яковлевича Маришака, Илья Яковлевич, взявший псевдоним Ильин, вместе с супругой Еленой Сегал написали несколько замечательных научно-познавательных книг для детей. В одной из них ставится вопрос: каково основное свойство пружины? Ответ: упрямство. А каково основное свойство империи? Обреченность. В самом ее возникновении кроется неизбежность ее гибели. И гибель эта всегда сопровождается тяжелыми и болезненными переживаниями бывшей метрополии – в данном случае России.

Когда на мой вопрос о том, как он оценивает возникшую ностальгию по СССР и «страдание» по Сталину, Чубайс ответил одним словом: «Катастрофа», мне показалось, что это с его стороны перебор. Сегодня мне так не кажется. Во время съемок документального фильма «Германская головоломка» я брал интервью у известного немецкого журналиста. В ответ на мое замечание о том, что сегодня в Германии царит демократия, он сказал:

– Да, у нас демократия... при хорошей погоде. Но мне страшно подумать, что может быть, если погода испортится. Потому что нацизм сидит в наших немецких душах... Точно так же, как советский коммунизм сидит в ваших русских...

Неужели он прав? Неужели страсти по Сталину (вспомните телевизионную программу «Имя России»), поддержка идеи возвращения памятника Дзержинскому на Лубянскую площадь говорят о рабской тоске по «сильной руке»? Если это так, то прав Чубайс – это и в самом деле катастрофа.

Меня не оставляет мысль, что без раскаяния, без осознания своего греха, своего преступления, без очищения ни человеку, ни обществу не на что рассчитывать: ни у того, ни у другого нет будущего. Есть, конечно, существование, некое пребывание в каком-то состоянии, но будущее – это нечто другое. «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни» – это не про Россию. Пока в учебниках истории будет написано, что Сталин был хорошим менеджером, пока не состоится суд над советским прошлым, пока открыто, публично не будет признано, что порожденная Лениным и доведенная до логического завершения Сталиным советская система была не столько порочной, сколько преступной, пока фигура Сталина не будет признана в России столь же криминальной и бесчеловечной, как фигура Гитлера в Германии, пока советский геноцид против собственного народа не будет признан, пока отрицание этого факта не будет считаться уголовным преступлением, как отрицание Холокоста в Германии, – пока эти пути будут связывать ноги, не ждите российских прорывов. Прорывы бывают только благодаря очищению души, счастливому осознанию того, что хватило мужества, чувства собственного достоинства, дабы раскаяться – честно, глаза в глаза с прошлым просить прощения у замученных, убитых, обманутых.

Я пишу эти строки спустя пять с лишним лет после нашего интервью. Чубайс куда-то исчез. В том смысле, что его не слышно и не видно. Сидит себе в таинственном Роснано. Время наступило не чубайсовское. Жаль. То было время надежд, время ожиданий...

Скажу я вам так, Анатолий Борисович: я не знаю, вернется ли ваше время, но в отличие от многих вы в историю вошли – не вляпались, а именно вошли.

Александр Сокуров **кинорежиссер, сценарист**

В.ПОЗНЕР: Скажите, пожалуйста, Александр Николаевич, как вы понимаете слово «диссидент»? И может ли он быть патриотом?

А.СОКУРОВ: Диссидент – это человек, который стоит в стороне от других. И да, он патриот.

В.ПОЗНЕР: Я читал, вы очень сожалеете о том, что в августе 1968 года, когда войска Варшавского пакта во главе с Советским Союзом вошли в Прагу, вы публично не протестовали против этого. Вы говорили о том, что кругом сажали диссидентов, а вот вы ничего такого не сделали. Значит, можно сказать, что вы диссидент? Были тогда диссидентом или остаетесь им?

А.СОКУРОВ: Большая честь для меня сказать, что я диссидент, именно потому что я ничего тогда не делал и с ужасом наблюдал за тем, что происходило – за этой схваткой граждан и государства. Я изучал, смотрел и стыдился публичности. Я не диссидент, конечно, я – хуже. Я очень виноват как гражданин, как человек перед этими людьми. И буду вечно виноват и перед Солженицыным, и перед Ростроповичем, перед Вишневской, перед всеми, кто вышел тогда на Красную площадь, и перед писателями, которых судили и так далее. Я никогда не смогу этой вины с себя смыть. Все же я был не мальчик – первокурсник Исторического факультета – и в каком-то смысле я уже был взрослым, но оказалось, совсем не взрослым. Понял это я уже потом.

В.ПОЗНЕР: Вы учились во ВГИКе?

А.СОКУРОВ: Сначала на Историческом факультете в университете, а потом, после завершения, во ВГИКе, да.

В.ПОЗНЕР: В 1979 году, если я не ошибаюсь, за год до окончания ВГИКа вам пришлось прервать свою учебу, поскольку вы вошли в довольно острый конфликт с руководством института и Госкино. Ваши студенческие работы обвинялись в формализме и в антисоветских мыслях. Вы можете мне сказать, что за антисоветские мысли были в ваших студенческих работах?

А.СОКУРОВ: Я учился на Историческом факультете, уже достаточно хорошо понимал, что такое политика, и она была мне совсем неинтересна. Поэтому в своих художественных работах я никаких политических прожектов не строил, намерений политических никаких не высказывал. Но, по всей вероятности, было решительное отличие того, что я делал, или того, что я думал, от того, что происходило вокруг меня.

В.ПОЗНЕР: Ну, дайте пример, хотя бы один. Антисоветизм – все-таки политическая штука или нет, не обязательно?

А.СОКУРОВ: Политическая, да. А из примеров – моя первая работа, «Одинокий голос человека», полнометражная картина по мотивам произведений Андрея Платонова «Река Потудань» и «Происхождение мастера». Платонов тогда только начинал публиковаться, кажется, вышла лишь одна книга. И я очень хорошо помню: мы с Юрием Николаевичем Арабовым,

моим коллегой-сценаристом, пришли к Марии Александровне Платоновой, вдове писателя, и долго не могли к ней попасть, потому что она боялась кого-либо пускать домой. А потом, когда пустила, крайне изумилась тому, что мы решили делать картину по мотивам книг этого человека... Так что «неверным» был и выбор писателя, и сама форма, которая по определению людей, смотревших эту картину, не имела никакого отношения к социалистическому реализму. Она строилась совершенно другим образом, была крайне субъективной – и по средствам выражения, и по настроению, по эмоциям, по драматургической тенденции и по монтажу, по всему языку не имела никакой связи ни с кем и ни с чем. Да, говорили, что это философия, которая не имеет никакого отношения к марксизму и марксистской практике, и так далее, и так далее... Мне было смешно это слышать, потому что я никоим образом не входил в эти политические огороды, это меня никогда не интересовало.

В.ПОЗНЕР: А вы согласны с теми, кто говорит, что ваши фильмы элитарные? Они для очень узкой публики, и нужно иметь определенный уровень, чтобы их смотреть, это не кассовые фильмы и для людей рядовых сложные?

А.СОКУРОВ: Вы знаете, я слишком уважаю своих соотечественников, слишком уважаю человека как такового, чтобы не быть с ним искренним. Конечно, в этой искренности, может быть, я захожу слишком глубоко в свои внутренние переживания, какие-то чувства. И как всякое интимное ощущение, оно не может находить большого числа сторонников или понимающих людей. Я вспоминаю одну совершенно удивительную реплику Шостаковича: «Да, я виноват в том, что слишком быстро работаю, я виноват в том, что тороплюсь, и в том, что мои произведения иногда принимают, иногда не принимают». Могу про себя то же самое сказать: да, я виноват в том, что не могу быть другим. Еще, прямо вам скажу – я ведь не кинематографист. Я не люблю кино, не являюсь сторонником кинематографического процесса и кинематографического жанра – это чужое для меня. Я люблю литературу. Литература для меня – все, что в моей жизни есть. Но так случилось, что моя жизнь шаг за шагом пошла в сторону именно визуального творчества. Я хотел быть режиссером радиотеатра – этого я хотел действительно, а заниматься визуальным искусством – нет, тем более кинематографом. И никогда пиетета перед кинематографом не испытывал.

В.ПОЗНЕР: Но вы не собираетесь уходить из этого жанра?

А.СОКУРОВ: Если обстоятельства сложатся таким образом, что я не смогу реализовывать свои желания, тогда я, конечно, уйду и займусь чем-то другим.

В.ПОЗНЕР: Учитывая сказанное вами, мне интересно ваше отношение к критике. Но я предварю этот вопрос парой цитат. Был такой замечательный французский поэт Поль Элюар, который говорил: «Художник – это глаза, критик – это очки». А вот другой, не менее известный поэт, но английский, – Сэмюэл Кольридж – сказал так: «Критики – это обычно люди, которые стали бы поэтами, историками, биографами и так далее, если бы смогли: они пытаются применить свои способности к одному или к другому, но тщетно, поэтому становятся критиками». Вообще крупные художники обычно не очень высоко ставят критиков. А каково к ним ваше отношение?

А.СОКУРОВ: Критика очень важна для меня. Потому что с людьми, которые занимаются критикой, у меня нет никаких пересечений интересов: они делают свое дело, а я – свое. Это другое художественное творчество. И критик в состоянии иногда указать мне дорогу. Для меня важно, если это человек хорошо образованный, если это человек чувствительный, чувствую-

щий, если это человек, который старается понять то произведение, о котором он говорит, но не иллюстрирует мои мысли, потому что я лучше любого критика знаю, что у меня не получилось в фильме – мои фильмы сплошь состоят из недостатков.

В.ПОЗНЕР: А был случай, когда критик направил вас? Вы можете такое вспомнить?

А.СОКУРОВ: Да. Такой критик для меня – Михаил Ямпольский. К сожалению, он живет в Соединенных Штатах, и, правда, сейчас его отношение к тому, что я делаю, решительно изменилось в негативную сторону. Но был период, когда он имел для меня грандиозное значение. Это человек великого образования, уникальной художественной интуиции, да просто блестящий человек. Его отъезд из Москвы, из России явился для меня огромной потерей... А еще назову Ливию Александровну Звонникову – нашего вгиковского педагога, она читала нам русскую и советскую литературу... Вообще для меня огромное значение имеет встреча, разговор с человеком, который умнее меня, образованнее меня и который может что-то мне открыть. Я ищу все время это, мне очень это нравится. Это для меня просто чудо какое-то.

В.ПОЗНЕР: На вашем сайте есть информация, что на основе вашей съемочной группы создана студия, которая называется «Берег», это предприятие некоммерческое и оно не получает никаких денег – ни государственных, ни частных. У вас есть какая-то тайна – как делать кино без денег? Особенно ваше кино?

А.СОКУРОВ: Там немножко неправильно, наверное, сформулировано. Все игровые фильмы, которые делаю я, – это фильмы, в которых так или иначе участвует государство. За что я ему очень благодарен. Касается это и некоторых документальных картин. Правда, большую часть документальных мы создаем в содружестве с зарубежными коллегами – японскими, французскими. У нас постоянные международные альянсы, чему я тоже очень рад. Ну, и мы люди не требовательные и в общем готовы работать за любые деньги. Всегда так работали и работаем. Поэтому мы успели так много сделать и документальных, и игровых картин. В нашей группе не стоит вопрос о размерах гонораров, зарплат: все задействованные лица понимают, что в этом случае они занимаются чем-то другим уже. И это очень важно для всех для нас.

В.ПОЗНЕР: До нас дошли сведения, что у вас были встречи, если я не ошибаюсь, с президентом Медведевым?

А.СОКУРОВ: Нет, не с президентом. Была встреча с премьер-министром Владимиром Владимировичем Путиным. Но мне, честно говоря, не хотелось бы комментировать это сейчас... Скажу только, что она состоялась в общем-то по моей инициативе и была связана с целым рядом вопросов, которые у меня имелись к этому человеку. В первую очередь это, конечно, важный лично для меня вопрос – о судьбе города, который, как я считаю, начинает погибать. Я имею в виду Санкт-Петербург. Это не родной город для меня, я там житель, и я пользуюсь в нем тем, что оставили, сберегли люди. И я хотел обратить его внимание на это катастрофическое положение. Архитектурная общественность города напоминает мне больницу, где все врачи хотят быть патологоанатомами. Город разрушается самыми стремительными темпами, остановить этот чудовищный процесс мы – я имею в виду общественные силы – не можем никак... Были и вопросы, связанные со всякими моими размышлениями, представлениями о развитии культуры, кинематографа. Это то, что меня тоже волнует, но не в такой степени, как проблемы города. Еще я рассказывал о своей работе. О том, как делалась картина «Солнце», которая готовилась десять лет, – история японского императора Хирохито. И в общем премьер слушал меня с изумлением. Потому что, я думаю, таких примеров в его практике было немного. По крайней мере, наверное, для него стало новостью представление о том,

что кинематографическое произведение – это результат огромного труда и многих лет подготовки, это путь – шаг за шагом – к достижению поставленной цели, тяжелый и долгий-долгий, длительный труд, а не какая-то вспышка эмоций.

В.ПОЗНЕР: А какое общее впечатление у вас от этой встречи?

А.СОКУРОВ: Я увидел человека энергичного, чрезвычайно занятого. До того я довольно близко и в течение многих лет был знаком с Борисом Николаевичем Ельциным. И это разные люди, конечно. Две разные энергии, два разных состояния. Борис Николаевич для меня был абсолютно открытым, не было тем, которые мы с ним не обсуждали бы. Иногда это были тяжелые разговоры – и для него, и для меня... Здесь тоже было непросто, но все же я понимал, что передо мной более закрытый человек. Однако это была первая такая встреча – один на один. До того я участвовал в общих разговорах, выступал, видимо, резко и жестко и натывался на какие-то тоже резкие его реплики-ответы. И поэтому, в общем, наши отношения не были простыми. Я не умею разговаривать с людьми из этой «верхней» жизни, я не знаю меры, так как для меня такой человек все равно остается в первую очередь человеком, а не функционером...

В.ПОЗНЕР: А шел ли какой-либо разговор о цензуре?

А.СОКУРОВ: Давайте я вам скажу, что нет?.. Премьер воспринимал меня как совершенно конкретного человека, он был готов к встрече. Неожиданно для меня она проходила в очень доброжелательном тоне. Хотя он только-только был в Ростове, откуда полетел в Чечню, из Чечни ночью вернулся в Завидово, и в Завидово он меня принимал... Я надеюсь, что вопросы, которые мы обсудили, обязательно вызовут какое-то резонирующее действие, – и то, что касается кинематографа, и то, что касается, конечно, Петербурга.

В.ПОЗНЕР: Я знаю, что некоторое время тому назад вы поставили в Санкт-Петербурге пьесу – «Орестею», но спектакль был закрыт.

А.СОКУРОВ: Нет, мы только начали его делать – в Михайловском театре. Но вскоре я вместе с двенадцатью-тринадцатью людьми подписал письмо в защиту Петербурга, которое было направлено в Государственную Думу, в Совет Федерации, в Общественную палату. Причем никаких имен в этом обращении мы не называли. Скорее, там был перечень мер, необходимых, с нашей точки зрения, – совершенно конкретные вещи. И сначала мне предложили отозвать свою подпись, но я отказался... Хотя некоторые из подписавших – человек пять, в том числе почетные граждане города – отзывали свои подписи в итоге. А мне объявили, что продолжение моей работы над спектаклем невозможно, и он будет закрыт.

В.ПОЗНЕР: Вам объявил это тот же человек, который просил снять свою подпись? То есть не надо гадать, есть ли связь между этими событиями?

А.СОКУРОВ: У меня сомнений нет.

В.ПОЗНЕР: Я не могу не спросить: вы говорили об этом Владимиру Владимировичу? Это же конкретный пример давления...

А.СОКУРОВ: Да, говорил. Но, видимо, характерная особенность натуры Владимира Владимировича заключается в том, что моментальной реакции нет. И это справедливо, правильно, я считаю. Потому что для него эта ситуация была неизвестной, и, наверное, он не предполагал,

что подобное возможно. А речь шла об опере «Орестея», которая никогда в России не ставилась по-настоящему. Это была моя мечта, но, к сожалению, я поплатился за то обращение.

В.ПОЗНЕР: А других тоже наказали, вы не в курсе?

А.СОКУРОВ: Из театра ушел также главный дирижер – Аниханов.

В.ПОЗНЕР: Я имею в виду из подписавших еще кого-нибудь наказали?

А.СОКУРОВ: Этого я не знаю, потому что ни одна из организаций, в которые мы обращались, не ответила даже на письмо. Меня это, впрочем, нисколько не удивило, я прекрасно понимаю, что вопросы, которые поднимаем мы, – это вопросы корневые, вопросы культуры страны, касающиеся того, с чего все начинается в жизни государства. Ведь государство главным образом существует только для развития культуры. А все остальное – лишь инструмент для ее развития. Будет определенный уровень культуры – будет и определенный уровень культуры правительства, будет определенный уровень культуры армии, другое министерство иностранных дел будет, и так далее, и так далее... И в промышленности будет все по-другому, понимаете? Эта вертикаль, эта пирамида – реальность...

В.ПОЗНЕР: Цитирую вас: «Живя на Родине, я чувствую свою незащищенность. Социальную незащищенность, личную. Я понимаю, что со мной в любой момент может произойти все, что угодно, и с каждым днем почему-то чувствую эту опасность все больше и больше. Я хорошо ее прочувствовал, потому что мне было тяжело при советской власти – и тогда у меня были проблемы с государством, но я бы сказал, что сейчас ситуация даже острее, гораздо сложнее». Я не очень понимаю, как может быть сейчас сложнее и острее, чем при советской власти, когда на каждом шагу КГБ, когда могли посадить в любой момент, когда вообще нельзя было обратиться в суд – абсолютно проигрышно было все. Почему вы так говорите, чем обосновываете?

А.СОКУРОВ: Понимаете, мне нужны люди – народ вокруг. Люди, которые переживают нечто, похожее на то, что переживаю я, болеют за то, за что я боюсь. И я сейчас вижу какую-то гуманитарную деградацию общества. Очень часто у меня нет никакой опоры, за исключением, может быть, книг и круга близких людей. Я говорю о некоей личной незащищенности. Это очень трудно формулируемое эмоциональное состояние. Может, оно идет от города, в котором живешь такой сложной, непростой жизнью. Потому что Санкт-Петербург – сложный город.

В.ПОЗНЕР: Я понимаю. Однако если бы меня спросили сегодня и двадцать лет назад: «Как вы себя чувствуете?», я ответил бы: «И тогда я был не защищен, и сегодня, но сегодня все-таки защищен больше». Такое у меня ощущение.

А.СОКУРОВ: А у меня нет этого чувства. Нет опоры, нет уверенности в завтрашнем дне. Я боюсь, боюсь... Боюсь за общество, боюсь за государство, боюсь попасть в какую-то непредсказуемую, необратимую по сложности ситуацию. Я прекрасно понимаю, что при возникновении этой сложности некому будет защитить ни общество, ни культуру, ни государство. Людей, которые, может быть, готовы были бы защитить, – пусть наполовину понимая, что происходит, – мне недостает, их очень мало, на мой взгляд.

В.ПОЗНЕР: Еще цитата: «Я очень не люблю современную государственную структуру в России. Я ее не люблю за бездарность государственной организации, за неталантливость государственной жизни от верха до низа. Я вижу бездарно организованное местное самоуправле-

ние, абсолютно непрофессиональное занятие делом своим. Я хорошо помню, как занималось этими проблемами наше прошлое государство – кургузо, часто глупо, но они там четко понимали: эта задача у государства есть. Сейчас этого понимания нет вовсе, и мы все ближе к пропасти». К какой пропасти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.